Демоны.

Демоны 1

- В каждой рыбе есть инфекция, - Л оторвал взгляд от горки замороженных бело-серых трупиков наваги, и посмотрел в блеклые глазки продавщицы. - Вы знали об этом?

- А если её хорошенько прожарить? - сказала продавщица неожиданно хриплым голосом.

- Что с вами, вы больны? - осведомился Л.

- С чего вы взяли? - прохрипела продавщица.

- Ваш голос… что с ним?

- Ах! Я так с детства хриплю и сиплю, - продавщица нашла это забавным и засмеялась как будто лист ржавого железа волокли по каменной мостовой.

Л не увидел здесь ничего забавного и подавил в себе желание немедленно уйти. Ему была нужна рыба.

- Да вы посмотрите, - пропищала низенькая старушка слева, - ну какая же инфекция! Максимум паразиты.

Л посмотрел, но не на рыбу, а на старушку. Престарелая женщина смутилась под его взглядом и отвернулась. Ничего подозрительного, однако в её поведении было нечто игривое.

- Вы считаете что паразиты лучше чем инфекция? Или вы подозреваете что это одно и тоже? - раз уж старуха влезла в разговор то придётся ей отвечать, - решил Л.

Старуха затрясла сморщенными щёчками, пискнула и бочком протиснулась к выходу. Некоторое время продавщица и Л смотрели ей в след.

- Надо же, - захрипела продавщица, - какие у неё длинные и тонкие волосы, прямо прозрачные, насквозь просвечивают, вы заметили?

- Заметил, - согласился Л и против воли задумался о неестественных, почти призрачных паклях украшавших скальп старушки.

- Наташа, - грубо оттолкнув Л локтем, к витрине протиснулся мужик в зелёной робе, дурно пахнувший потом, - собери мне пару селёдочек пожирнее…

Ну вот ты и нашёлся, подумал Л, всегда находился и сегодня нашёлся. Выложив одну скабрезную шутку, два примитивных комплимента, и забрав селёдку мужик ретировался, оставив после себя облако кислого запаха. Л снова повернулся к продавщице и только теперь заметил маленький голубой прямоугольник с одним единственным словом из шести чёрных букв. Прямоугольник занимал почётное место на выдающейся правой груди продавщицы.

- Что это? - спросил Л и ткнул пальцем указывая на грудь продавщицы.

- Где? - она профессионально провела ладонями по грудям, нащупала карточку сняла её и протянула Л — Это бейджик, посмотрите.

Л посмотрел, повертел в руках и вернул.

- Зачем?

- Ну, что-бы вы знали как к нам обращаться, - она кокетливо улыбнулась и жеманно прикусила нижнею губу.

- Но зачем мне к вам обращаться? - искренне удивился Л.

- Ну, не знаю! - она капризно взмахнула ручками и надула губки. - Нас заставляют их носить.

- Вы как-то недоброжелательны, - заметил Л, - возможно вам стоит побыть наедине с собой и выпить чаю…

- Рыбу покупать будете? - тон продавщицы стал откровенно хамским.

- Нет, рыба мне не нужна, - Л развернулся и поспешил за мужиком с селёдкой.

- Тогда зачем вы приходили?! - крикнула продавщица ему в след.

Демоны 2

Мужик стоял около магазина и сосредоточенно курил сигарету, в его грязных руках болтался пакетик с неопрятной, положительно вредной едой и прозрачной стеклянной бутылкой, где находилась явно не вода.

- Привет! - доброжелательно сказал Л. - Селёдка вкусная?

- Селёдка как селёдка, - мужик бросил дымящийся окурок в урну. - Ты чего в друзья набиваешься?

- Как я могу предлагать вам дружбу? - Л даже протянул руку что-бы учтиво снять шляпу, но вспомнил что сегодня забыл её дома.

- Ты бухнуть хочешь, да? - догадался мужик. - Или чего мнёшься? Ладно, у тебя деньги то есть?

Л не ожидавший такого поворота в разговоре, замялся и начал перебирать варианты ответа.

Мужик сделал свои выводы из затянувшегося молчания, неприятно ухмыльнулся и сказал:

- Чё, получку жена забирает, а бухануть то хочется? Знаю, проходили такое. Эх, - мужик протянул широкую, бугристую ладонь, - Степан.

- Леонид, - Л протянул свою маленькую чистенькую ладошку и с восторгом пожал толстую рабочую руку.

- Лёня, значит, - мужик по цокал языком, - хорошо Лёня идём со мной.

Вырисовывается интересный вечер, - подумал Л, - возможно я попаду к ним в логово. Степан (мужик) развернулся и широкими шагами затопал по грязному тротуару. Л постоянно оглядываясь поспешил за ним. Степан что-то рассказывал про свою жизнь и работу, в его случае похоже это одно и тоже. Л стараясь не ошибаться, уважительно поддакивал в нужных местах. Удивительным образом Степан не требовал каких-либо ответов от Л, он предпочитал раскрывать свою жизнь перед незнакомцем, ничего не требуя взамен. Впрочем его жизнь и судьба не представляла особого интереса даже для него самого, вся история оказалась примитивна как катушка серых ниток. В какой то момент Л даже испугался что беспросветная серость существования Семёна перекинется и на него. В таком случае, решил Л, придется выписать жизни последний счёт.

Но вот Степан остановился, достал мятую красную пачку сигарет, вытянул одну набитую табачными крошками трубочку и протянул пачку Л. Дрожа от возбуждения — раньше покурить ему не предлагали, Л взял сигарету. Неумело затянувшись, Л закашлялся, выпустив несколько рваных облачков дыма.

- Лёня, ты раньше курил? - спросил Степан наблюдая как Л сражается с сигаретой.

- Выкуриваю пол пачки каждый день, - соврал Л. - Жена на балкон курить гоняет!

- А, ты чем по жизни занимаешься? - Семён снизошёл до безразличного интереса к делам нового знакомого.

- Я работаю поваром, - заявил Л.

- Разве это работа для мужика?! - возмутился Степан.

- Ну, да — согласился Л, - а чё делать? Мамка у меня при столовке служила и меня туда же к кастрюле определила.

- Да ладно, не оправдывайся, мне что повар, что говнотёр, - Семён гнусно хохотнул, - денег у тебя точно нет?

Л помялся, призадумался, достал мятую сторублёвку и вежливо протянул купюру Степану.

- О! Збись, сейчас конфет сто грамм купим на всякий случай, может к нам бабы заявятся.

- Бабы? - Л не знал радоваться или нет. - А они бухают?

- Тебе-то зачем? Ты же женат.

- Да, - подтвердил Л, и задумался над подходящим ответом. - Я…

Не утруждая себя ожиданием ответа, Степан грубо потрепал Л по плечу, заглянул ему в глаза и подмигнул.

- Бабы конечно тёртые, - сказал Степан, - но знаешь что самое главное?

- Что? Сиськи?

- Нет, самое главное что ты им понравишься!

Поразмыслив, Л признал что это действительно самое главное.

Демоны 3

Степан проживал в типовой панельной пятиэтажке, вокруг которой уютно расположились кучи мусора, а из чёрных пропастей подъездов несло кошками, жареной рыбой и подогретым супом. Редко сталкивающийся с этой стороной жизни Л, наслаждался буквально каждой минутой проведённой так близко к населению. Настроение мгновенно улучшилось от соприкосновения с жизнью и запахами обычных людей. Всё равно что попасть в зоопарк где проводится выставка особо редких животных. Л понравились даже тревожные шорохи, какие доносились из-за обитых чем-то похожим на кожу дверей. Остановившись, он приложил ладонь к чёрной металлической поверхности двери с целью угадать что происходит с другой стороны. Незаметные вибрации дверного полотна, передаваясь через нервные окончания в мозг, почти создали тёмную фотографию обитателей квартиры, но тут Степан положил руку ему на плечо и потянул за собой.

Наконец подъём закончился перед обшарпанной, окрашенной зелёной краской дверью, Степан достал тусклый латунный ключик, повернул скрипучий замок и пинком распахнул дверь.

- Подожди, - вдруг испугался Л, - а ты женат?

- Было раньше такое, - подтвердил Степан, - но всё равно что не было.

Какой глубокомысленный ответ, - мысленно восхитился Л. В тёмненьком коридорчике двухкомнатной квартирки пахло подгоревшим маслом, прелыми тряпками, ржавчиной и чем-то томатным. Откуда-то доносилось тихое рычание, как от спящего тигра. Не разуваясь они прошли на покрытую подгоревшим жиром кухню. Жиром было уделано всё: плита, мойка, стены и даже стекло спрятанного за пожелтевшим тюлем окна, относительно чистыми остались только желтоватый пластиковый стол и деревянные стулья. Под столом на поролоновых диванных подушках, подложив под голову локоть, спал мелкий мужичок.

- Это сторож? - спросил Л.

- Ага, сторож, щас как насторожит тебе, - Степан пнул спящего по плечу, тот недовольно заворочался но не проснулся. - Этот паразит, сидит на моей шее! Он нагнулся схватил мужика за ворот старого пиджака и выдернул из-под стола.

- А где ты его взял? - Л очень понравилась мысль иметь собственного паразита. Когда всё закончиться Л был не против забрать паразита к себе. При условии конечно, если тот останется жив.

- Кого, бля? - Степан поставил пакет на стол, паразит очнувшись, медленно поднимался на ноги. - Это Петька Сабакин, гандон из соседнего подъезда. Я свою жену успел первым турнуть, а вот Петькина жена, его самого раньше турнула и квартирку отжала! Вот она жисть! Хату его забрали, одёжу тоже, хорошо хоть денег у него никогда не было, ну а под конец и его самого вылупили из дому, он по подъездам бичевался, пока я его не прибрал.

Отличная романтическая история, подумал Л, хорошо бы у моего паразита оказалась подобная.

- Да, да…. Я, я,я — бормотал Петька-паразит неловкими движениями стряхивая прилипшие к пиджаку крошки. Разлепив припухлые глазки он уставился на Степана. - А, как ты дома? - не впопад сказал Петька. - Сейчас я приготовлю тебе ужин, - он достал из кармана пиджака полу раздавленную колбаску в плёночной оболочке, - где у меня тут масло? И лук! А моя сковородка?

- Задристай, - туманно, но грубо велел Степан. - Познакомься с Лёней, не вежливый скот.

- С кеммм? - Промычал Петька, расширив щёлки опухших глазок, он начал медленно

поворачиваться через левое плечо, собираясь заглянуть себе за спину. - Ммм?

Л терпеливо ждал когда Петька совладает с расстроенной координацией своих конечностей и сделает полный оборот. На это ушло не мало времени, потому-что на середине оборота Петька застыл, уставившись в закопчённый потолок. Из состояния прострации его вывел Степан, отвесив крепкий подзатыльник. Подскочив от неожиданности, Петька мгновенно обернулся и увидел Л.

- Ты чего? - ворчливо произнёс Петька. - Сосед что-ли? Коли я у тебя занимал, так на днях занесу.

- Он последнее время не в себе, с дуру натянул дырявый флаг на свой вентиль и сейчас думает что подцепил «краснуху» от одной шлындры. А, я ему говорю он у тебя всегда красный и пухлый…

- Так ты доктор! - обрадовался Петька. - Слушай посмотри меня, - Задрав полы пиджака он начал сдёргивать с себя брюки, к счастью туго затянутый ремень не позволил ему продемонстрировать содержимое штанов, а расстегнуть потускневшую металлическую пряжку Петька не сообразил.

- Идиот долбанный, - сердито сказал Степан, - или ты прекратишь эту херню, или я пихну тебя с балкона.

- Но мне нужна помощь! - взмолился Петька.

- Это не доктор, а знакомый, - пояснил Степан. - Он будет отдыхать с нами.

- Вот как, - недовольно протянул Петька, - ну чё тогда, - он протянул грязную руку, - Пётр.

- Лёня, - Л медленно и почтительно пожал липкую ладонь нового знакомого.

- Вот теперь вы хоть на людей похожи, - одобрил Степан. - Ладно, Петька разогрей нам чего-нибудь, а ты Лёня присаживайся, поболтаем с тобой.

Демоны 4

Тихонько поругиваясь Петька включил плиту, наполнил чайник, плеснул масла в холодную сковородку и поставил разогреваться кастрюльку с борщом. Степан чистил селёдку при помощи складного ножа, выкладывая внутренности на край стола. Л молчал наслаждаясь моментом. От борща валил пар, густые, жирные запахи, сдобренные кисловатой ноткой томата, заполоняли кухню. На почерневшей сковороде, шипела крупно нарубленная луковица, скоро к ней присоединилась нарезанная колбаска. Шумел чайник. Яркие, прилипчивые ароматы прогрели маленькую кухню, соединили троих чужаков в подобие семьи. Они даже не разговаривали, чувствуя между собой дикое, животное единение. Было нечто естественное в стремлении троих мужиков, укрыться в берлоге неубранной кухни и придаться распитию двух стеклянных бутылок замерших посередине стола.

- Лёня, - Петька прервал затянувшиеся молчание, - ты чем занимаешься? А колёса у тебя есть?

- В смысле? - не понял Л.

- В смысле, - Петька передразнил его, - кем работаешь?

- Поваром, - сказал Л.

- А-ха-ха! Му-му! - заржал Петька. При смехе он разлепил свои плоские губы и большие капли слюны полетели на сковородку — масло возмущённо зашипело.

- Чего ты ржёшь?! - Степан гневно вскочил из-за стола. - Мне что опять твои сопли жрать?!

- Прости, прости, - Петька испуганно прикрыл рот левой рукой, - Сейчас я всё хорошенько прожарю, все микробы передохнут.

- В рыбе есть инфекция, - внезапно сказал Л, вспомнив разговор в магазине.

- Инфекция есть и в бабах, - всё ещё раздражённо заявил Степан возвращаясь за стол, - а у некоторых нет мозгов.

- Ну давай потише, - Петька нагнулся над кастрюлей с борщом, - хавка почти готова

Примитивная пища, горячий чай, дешевый алкоголь и сигареты быстро сблизили их. Грязноватые стаканы разом наполнялись и разом опорожнялись. Солёная плоть селёдки всасывалась между обмётанными жиром губами, давилась где зубами, где дёснами и отправлялась в короткое путешествие по обожжённому алкоголем горлу. Бутылки быстро опустели, и Петька Собакин сбегал куда-то за двух литровым пузырём мутного пойла. Это оказалась настоящая отрава, тренированный организм Л, начал давать сбои. Закуска и пустопорожние разговоры закончились, они напивались в чёрную. Перед глазами всё плыло и дрожало, Л казалось что квартирка раскачивается как палуба дрянного кораблика. А старая рожковая люстра прицепленная к потолку вращается со скоростью секундной стрелки часов. Пора заканчивать, подумал Л, отправляя в рот очередную порцию неизвестной науке жидкости. Уже настало время, освободить этих достойных людей от демона зелёного змея, Л расстегнул курточку, собираясь достать принадлежности, как в дверь позвонили…

- Вот и шалавы припёрлись, - то ли сердито, то ли радостно сказал Степан. Не вполне владея собственными конечностями, он выполз из-за стола и опираясь об стену поплёлся открывать.

- Слышишь Лёнька? - гнусно зашептал Петька. - Бабы появились. От одной из них я и подцепил, - он распахнул ротик выпрастал толстый бурый язык, и захихикал — мутные слюни полетели в стороны. - А знаешь чё смеюсь то? Семён не помнит от кого мне прилетело, да и я не помню! А ты вообще ничего не знаешь! Так что нас всех ждёт игра в рулетку!

Туго соображающий Л, отвернулся от наглого паразита и посмотрел в окно. К сожалению

окно судорожно подёргивалось по сторонам и вызывало тошноту. Пришлось Л вернутся к созерцанию неприятной рожи паразита. Долго страдать ему не пришлось, появились они — бабы!

Сначала он услышал ритмичное, надоедливое шуршание, потом на кухню сверкая огнём крашенных, невероятно рыжих волос ворвалась низенькая, чуть выше стола, женщина. Любое её движение сопровождалась шорохом и скрипом вызываемым спортивным костюмом из гладкой, блестящей ткани. Женщина обладала настолько банальной и неприметной внешностью, что ей приходилось компенсировать собственную незаметность любым доступным способом. Поэтому костюм возвещал о каждом её шаге, крашенные волосы как маяк сверкали во тьме, а макияж напоминал пожарную машину. Каждым движением, каждым шагом и действием, она словно говорила безразличному миру — я здесь! Поставив на стол бутылку цветного стекла, она с вызовом посмотрела в глаза Л.

В своё время мамочка обучила Л элементарной вежливости, он попытался улыбнуться незнакомке, но из этого мало что получилось, - он не мог контролировать собственное лицо. Вместо улыбки, Л довольно глупо и пошло икнул, давая понять женщине что её заметили Незнакомка проявив выдержку или безразличие, молча пялила густо накрашенные глазки.

- Опаньки! - раздался громовой голос, Л показалось что потолок обрушится. - Оказывается мы сегодня не единственные гости! Ну мужчина, кто вы?

- Я Леонид, - не вставая Л протянул маленькую запачканную едой ладошку высокой и толстой женщине.

- А я Маринка, из тридцать пятой, - голос Маринки грохотал и ревел как дикий горный поток. Жаркой пятернёй она сгробастала ладошку Л и церемонно пожала.

- Он женат, - сообщил Степан стоя в дверях кухни. - Но тебе то дела нет, верно?

- Заткнись Стёпка, - строго велела Маринка, - лучше налей-ка нам выпить.

- Мажет мне ещё и жопу вам подтереть, - нагло сказал Степан.

- Дурак, да ещё и грубый, - с сожалением сказала Маринка.

- А чем он занимается? - неожиданно резко спросила молчаливая маленькая женщина.

- Повар он, кашевар, - пискнул Петька.

- Разве это мужское дело! - возмутилась мелкая.

- Нет он не повар, - твёрдо сказала Маринка. - Я такое дело сразу чую, он за кастрюлей отродясь не стоял. Нет, только для вас он повар.

- Может и не повар, - Степан пожал плечами, - какая разница?

И вечер продолжался.

Маринка казалась удивительной женщиной, Л даже испытывал лёгкое чувство сожаления что не знал её раньше. С какой стороны не посмотри она вызывала восхищение. При каждом вздохе, её внушительные груди вздымались вперёд и вверх, отпрыгивая сантиметров на десять, тем самым создавая реальную угрозу жизни неосторожному прохожему. Л прикинул что удар грудью точно сбил бы его с ног, это было угрожающе, страшно и одновременно притягательно. Впрочем у Маринки нашлось ещё одно достоинство, так сказать корма, которая уравновешивала грудь и придавала завершающий вид фигуре. Если вкратце то её тело пересекали две глубокие расщелины, - первая от горла и едва ли не до пояса, вторая ниже пояса и до колен. Надо признать — всё вместе получалась страшным оружием. И она умела им пользоваться. Поочередно демонстрируя то верхнею расщелину, то нижнею она завлекала мужчин. Л чувствовал как постепенно попадает под её чары. Все знакомые Маринки приёмы обольщения, были примитивны, банальны и очевидны, Л раскусил и предвидел каждый её финт и, тем не менее он размяк и покорился.

А вечер между тем шёл по кругу, жидкость разливалась по стаканам и проглатывалась,

продукты заканчивались так же стремительно как и разговоры. Степан пытался шутить и одновременно оставаться серьёзным, он хотел завлечь Маринку, но та являясь королевой положения, уделяла всё внимание Л. А вот её подруга, низкая женщина чьего имени так и не назвали, полностью отдалась в Петькины руки. Наконец когда Степан окончательно прекратил попытки привлечь внимание Маринки, она подсела поближе к Л, положила тяжёлую как бревно руку ему на шею — Л понял - вечер близиться к развязке. Распахнув (именно распахнув а не открыв) рот, Маринка плюхнула в развёрнутый зев пол стакана алкоголя. Когда жидкость попала внутрь, откуда-то из глубины её организма, раздался громкий плеск, словно там внутри стояло ведро с водой. Л настолько поразил данный феномен, он нагнулся и прижался ухом к животу Маринки. Воспользовавшись случаем, она обняла Л могучими руками и прижала его голову к своему пузу. Мгновенно он окунулся в жаркую, пахнущую куриным супом плоть и от безумной мысли что дышит Маринкиными внутренностями Л отключился…

Демоны 5

Л очнулся на полу, около старой двухспальной кровати, голова лежала на старой провонявшей подушке, ноги замотаны в тонкое бурое одеяло, а в правом кулаке зажаты два носка. Прогнав все мысли о том что это могло значить, Л поднялся и некоторое время рассматривал огромную тушу Маринки, поперёк которой лежал дождавшийся своего часа Степан. Подобрав покрывало Л укрыл новых знакомых и отправился на поиски Петьки и его подружки. Те обнаружились под кухонным столом, их липкие тела переплетались в крепких объятиях. Поднатужившись Л перетащил их в спальню и положил в кровать. Пора приступать к главному, порывшись в многочисленных карманах своей куртки он достал длинный нож с красной рукояткой и толстую жёлтую свечку. Пришло время изгнать демонов, осаждавших этих возможно хороших, людей. Дважды взмахнув ножом он разрубил свечку на четыре равных части, так что-бы в каждой оставался кусочек фитиля.

Не обращая внимания на слабое сопротивление пьяных тел, Л вставил четвертинки свечей в правые кулаки собутыльников. Что-бы свечи не падали пришлось изолентой соединить их пальцы в кулаки. Проверив что свечи закреплены надёжно, Л достал упаковку крупных куриных яиц и вложил по яйцу в левые ладошки алкоголиков. Убедившись что пока всё идёт по плану, Л рассыпал по комнате мерцающий в темноте порошок. Воздух в комнате как-будто сгустился, свет падавший из кухни под кривым углом, изменил направление, - вместо пола жёлтый прямоугольник переместился на стену.

Откупорив бутылочку с настойкой редких горных трав, Л взобрался на спинку кровати. Набрал в рот отвратительно горькой настойки, и тщательно оплевал спящих алкоголиков. Несмотря на то что настойка не содержала спирта, огоньки свечей взметнулся к потолку, порошок рассыпанный по комнате нестерпимо засверкал. Веки спящих на кровати людей, одновременно поднялись, незрячие глаза уставились в потолок. Прошло несколько минут в абсолютной тишине и неподвижности. Из устремлённых в потолок четырёх пар глаз, медленно поднимался тёмно-синий, почти чёрный туман. Комнату обволокла тьма, свечи вспыхнули и погасли.

Перед Л мерцая и покачиваясь, шипя как грязный пар, висели в воздухе три демона алкоголизма, один похоти и ещё двое неизвестных. Л махнул рукой и лишние исчезли, его интересовали только порождения узкого горлышка водочной бутылки.

- Уходи, - сказал демон.

- Выпей, - сказал демон.

- Забудь, - сказал демон.

Л воздел руки к потолку, к невидимым отсюда небесам. Его пальцы обернулись когтями, когтями из соли, он превратился в клокочущею птицу, в свирепого орлана с загнутым клювом. Рассыпанный по комнате порошок, начал подниматься к потолку, тени-демоны дрогнули, лопнули, стремительно исчезли… однако возможно это были всего лишь видения в спёртом воздухе комнаты…

Успокоившись Л спрыгнул со спинки кровати, и забрал яйца у медленно приходивших в себя друзей-алкоголиков. Три яйца из жёлтых стали чёрными и тяжёлыми, одно не изменилось. Что-же получалось, кто-то не страдал зависимостью? Наверное так.

Вдруг Степан лежа на кровати согнулся пополам, обхватил голову руками и блеванул радостно-зелёной жидкостью. Он не успел слезть с кровать и зелёная блевота быстро расползалась по его друзьям.

- Что случилось?! - Испуганно спросил Степан, поднося к глазам перемотанный изолентой

кулак. - Что с нами было?

Л не ответил, да и нужды не было — Петька подскочил на кровати и тоже блеванул на пол.

- Па-па-палёная, - прошептал Петька, прерывая единственное слова двумя приступами рвоты.

Л улыбнулся и тихонько вышел из квартиры, сегодняшний день прошел не зря — он помог трём, может быть хорошим, людям. Холодный ночной воздух вскружил ему голову, он весело запрыгал домой. Завтра предстоял очередной день, и очередной визит в магазин…

Никчёмность

Никчёмность 1

Чтобы преодолеть сопротивление домофона на двери в подъезде, пришлось повозиться. То ли он забыл четырёхзначный код, то ли бездушная железка не хотела его пускать. Наконец раздался тугой щелчок, металлическая дверь отползла от косяка и Л прошел в тёмный, смрадный подъезд. Где-то на верхних площадках тускло горела лампочка, а на ступеньках прямо под ногами тускло светился огонёк сигареты — там мирно дотлевал не затушенный окурок. Инстинктивно Л раздавил окурок каблуком и зашагал по ступенькам. На третьем этаже он столкнулся с женщиной, чьё лицо освещал огонёк зажатой в губах сигареты.

Выплюнув в спёртый воздух струю отравленного дыма, она дерзко, оценивающе посмотрела на него. В сумраке ночного подъезда Л затруднился определить её возраст, но она не была старой. Он остановился на площадке перед женщиной, она схватила его за плечо.

- Парень, подожди, - сказала она, перегородив проход. - Ты здесь живешь? Я тебя раньше видела? Ты меня знаешь?

Л задумался, подыскивая один максимально короткий ответ на все вопросы. А женщина всё так же пристально смотрела на него сквозь темноту и серый табачный дым.

- Да… и нет, - на ходу ответил Л, с трудом протискиваясь мимо женщины.

Она выплюнула сигарету и повисла у него на шее. Её влажные, скользкие губы прижались к нему, к его шее, поднялись, потянулись к его губам. Жаркое, смрадное дыхание опалило нос… Л психанул, бросил пакет с продуктами на пол, схватил женщину за плечи и отшвырнул. Похоже, Л оказался сильнее, чем предполагал или она оказалась легче, но в результате женщина кубарем полетела в угол между дверями и сильно ударилась о стену. Внутри женщины что-то хрустнуло, лицо исказилось от боли. Всплеснув руками, Л почувствовал себя виноватым и бросился ей на помощь, но остановился, замер, увидев у неё в глазах торжествующие презрение…

Отвернувшись, Л поднял пакет и направился к себе в квартиру.

- Сссыкун, - прошипела отвергнутая женщина из своего угла.

Каждый следующий шаг, каждый вздох, каждое движение сокращавшихся мышц, приближало его к заветной двери, к относительно безопасной квартире. Но вечер только начинался. Кто-то во тьме схватил его за коленку и крепко сжал - Л едва не вскрикнул от неожиданности.

- Здарова! - сказал голос из тьмы.

По резко усилившемуся запаху алкогольных суррогатов Л определил, что на ступеньках сидит человек или нечто на него похожее.

- Я бы ей вдул, - сообщил человек, - Чего ты не остался?

- Ну иди и вдуй, - раздражённо сказал Л, освобождая ногу из крепких пальцев. Вырвавшись, он продолжил подъём — человек позади него мерзко засмеялся.

Вот уже видно ржавую железную дверь его логова. Л остановился, чувствуя что сейчас что-то случится. Он оказался прав — сегодня приключения так и сыпались сверху. Слева, за соседской дверью раздался звон разбитого стекла, затем последовал нечеловеческий рёв — дверь квартиры бесшумно приоткрылась и на площадку выбежали две маленькие круглые тени

и прошмыгнули мимо. Л не обратил внимания и прошёл прямо к себе. Мелкие тени потащились за ним, он остановился и резко оглянулся - двое детей, держась за руки, прятались в тени у стены. Не сумев толком их рассмотреть, Л обернулся вполоборота, одновременно продолжая приглядывать за детьми, он вставил ключ в замок. В соседней квартире опять загремели, что-то разбилось, хрустнула деревянная палка…

- Пожалуйста! Пожалуйста! - мальчик лет семи выступил вперёд из тени. - Разрешите нам посидеть у вас дома, пока папа не уснёт, а потом мы вернёмся к себе.

- Меня это не касается, - проворчал Л и повернул ключ.

Из соседней квартиры донёсся страшный грохот, словно там пробили головой холодильник, потом тишина, а за тишиной нарастающий вопль боли и гнева. Кто там живёт? - подумал Л.

- Пожалуйста пустите нас, - девочка лет пяти или шести положила руку ему на пояс, - мы посидим недолго, папа скоро…

Её слова прервал ещё один вопль, состоявший из нечленораздельных, но легко узнаваемых ругательств.

- Чего он разорался? - спросил Л.

- Сегодня телевизор сломался, - шёпотом пояснила девочка, мальчик крепко взял её за руку и испуганно посмотрел на дверь квартиры.

- Ну, пожалуйста, пустите нас, - повторил мальчик, - Разрешите нам войти…

Его последние слова насторожили Л, он повернул ключ обратно, запирая дверь и обернулся к детям. Опустив руку в пакет, он достал сеточку чеснока и показал детям — те в испуге отшатнулись. Подозрения, терзавшие его, окрепли. Л порвал сеточку, вытащил крупную головку чеснока и разломал на зубчики, белая чесночная шелуха полетела на пол, а Л протянул очищенный чеснок детям, те уставились но него поблескивающими в темноте глазами.

- Жрите, гады! - приказал Л.

Дети послушно взяли чеснок и морщась начали жевать.

- Может, потом… - начал говорить мальчик, но Л резким взмахом руки велел ему заткнуться.

Зажав в правой ладони маленький фонарик, Л сосчитал до десяти и щелкнув тугой кнопкой, зажёг яркий светодиод. Ослепительный, как комета, луч света проявил двух маленьких оборванцев в грязной, заляпанной жиром одежде, их чёрные тени ложились на серую стену. Зажмурившись от яркого света, дети повернули к нему неопрятные, неухоженные лица, у мальчика по щекам бежали красные полосы, а лицо девочки пряталось за неряшливыми лохмами волос. Вздохнув и внутренне содрогнувшись, Л вытянул указательный палец и отодвинул тяжёлые и сухие как солома волосы, открывая замызганное личико. По растрескавшимся губам девочки тёк ароматный чесночный сок. Тогда Л глянул на мальчика — его губы ярко блестели, а стойкий и специфический чесночный дух говорил, что он тоже справился со своей задачей.

- Хорошо, - сказал Л, - Посидите у меня немного.

- Нам можно выплюнуть чеснок? - спросил мальчик.

- Нет, проглотите! - велел Л.

Никчёмность 2

Он открыл дверь, пропустил детей вперёд, и, остановившись в дверях, на всякий случай оглянулся — никого. Включив свет в прихожей, он запер первую внешнею дверь на замок, а потом задвинул три засова на второй, внутренней двери.

- Зачем вам вторая дверь? - спросила девочка.
- Одна, чтобы никто не вошел, а вторая, чтобы никто не вышел, - пояснил мальчик.

Л почувствовал странную, скрытую угрозу в его словах, к счастью, каждый из засовов на второй двери закрывался на замок, а ключ был только у него.

- А где ваша мама? - вдруг спросил Л, неожиданно вспомнив, что одного родителя маловато.
- В лечебнице, - серьёзно сказал мальчик и кивнул сам себе.
- У неё крыша поехала, - почему-то радостно сообщила девочка.
- Ну, да, - неохотно признал мальчик, - В дурке она.
- Фгф, - только и смог выговорить Л.
- Мама такой весёлой стала и доброй, - девочка почесала лоб грязной ладошкой, - Лучше, чем раньше.
- Так зачем вы её в лечебницу сдали? - не то, чтобы Л интересовался судьбой их мамы, просто у них завязался обычный разговор.
- Она писаться начала, - хихикая сообщила девочка, её брату это не понравилось — он шлёпнул её по макушке.
- Разве с этим отправляют в дурку? - удивился Л.

Девочка хотела рассказать, но мальчик зажал ей рот. Заметив отчаянную борьбу мальчика за честь семьи, Л устыдился своих расспросов и повёл детей на кухню. К сожалению в пакете с продуктами оказалась редкая и дорогая еда, а по голодным глазам детей Л понял — придётся делиться.

- Ладно, - он махнул рукой в сторону мойки, - вымойте руки и лицо.

Умывались они долго, вместо мыла мальчик, а ему пришлось умыть и сестру, использовал средство для чистки духовок, Л хотел указать ему на ошибку, тем более яркий пузырёк жидкого мыла стоял возле мойки, но передумал — с толстой коркой грязи жидкому мылу не справиться. Под конец, когда дети уже блистали розовыми лицами и ладошками, мальчик сунул голову под кран, вылил на макушку пол бутылки средства и помыл голову.

Скорее для виду вытеревшись розовым полотенцем, дети вернулись к столу и выжидательно посмотрели на Л.

- Садитесь, - сказал он и пинком выбил из-под стола две табуретки.

Дети забрались на табуретки и рядком положили бело-розовые руки на белую клеёнку. Л поставил на стол две пыльные тарелки, в шкафу нашёл кружки, которыми никогда не пользовался, поставил посуду на стол, залез в холодильник и задумался: "Чем же можно безболезненно поделиться?" Все продукты он тщательно отбирал на свой вкус, жалко с ними расставаться, но ничего не поделаешь. Л глянул из-за дверцы холодильника, дети смотрели на него и ждали.

- Как вас зовут? - спросил Л, чтобы отвлечь детей, а сам снова скрылся в холодильнике.
- Я Мэша, - сообщила девочка, отчего-то хлопая в ладоши, - а он Коля.
- Какие хорошие имена, - сказал Л, хотя он так и не думал. - Это мама вас так назвала?
- Неаа, - протянула Мэша, - мама нас выносила и сразу бабке на шею скинула.
- Ага, - сказал Л и больше решил ничего не спрашивать.

Он поставил на стол упаковку сока, тарелку с раздавленными, бурыми от застывшего жира вчерашними котлетами, слипшимся холодным рисом, добавил два зеленоватых помидора вместо салата и для ассортимента поставил огромную бутылку кетчупа. Дети буквально навалились на еду, отправляя себе в рот огромные куски. Оценив их старания, Л взял из пакета ветчину, чёрный хлеб и сделал бутеры «Бурый медведь». Не менее старательно и поспешно, дети расправились и с бутерами, между делом выпив по два стакана сока.
"Дети так дорого обходятся" , - подумал Л, а ведь в стране кризис…

В конечном счёте, чтобы обед казался окончательно завершённым, Л презентовал на стол весьма дорогой сливовый рулет. Не проявив особого интереса к сладкому, дети на удивление безразлично съели рулет.

- Может, ваш папа уже успокоился? - Л оскорбился презрительным отношением гостей к рулету и решил поскорее спровадить их.
- А время сколько? - спросил Коля и вытер крошки со рта.

Вместо ответа Л указал на стену где висели круглые часы с голубой рамкой.
- Мы пока ещё останемся у вас, - сообщил мальчик, ознакомившись с показаниями стрелок.
- Да, - подтвердила Мэша, - пока останемся. У вас хорошо, много еды…

Л налил себе зелёного чая и молча выпил под любопытными взглядами детей.
- А папа не будет вас искать? - спросил он.
- Нет, - Коля слез со стула, - можно мне в туалет?

Лицо Л искривилось от ужаса: он никак не мог предвидеть, что кто-то посторонний захочет воспользоваться его туалетом. Его затрясло от негодования и отвращения. Туалет - это вам не какой-нибудь обеденный стол — на него кого попало не посадишь! В отчаянии он затряс головой, Коля принял это за кивок согласия и поспешил по делам. Л, подавив собственный гнев, смирился, теперь уже он не мог отказать.

- Это ничего, - Мэша начала утешать его, - Коля, он аккуратный, он - не папа! Это папа у нас может весь туалет обделать. А мама так вообще писается где приспичит.
- Что? - погруженный в мысли о будущем своего любимого сортира, Л не услышал слов девочки.
- Мама у нас писается где захочет, - весело поведала Мэша, - Как кошка. Дома на ковре, перед телевизором. А однажды, - чтобы не рассмеяться девочка закрыла рот ладошкой, - На остановке написала на женщину. - она всё же не выдержала и рассмеялась, - Вот такой фонтан был! Как потоп!
- Надо же, - вежливо удивился Л.
- Ага, - согласилась Мэша, - потом мама пошла в магазин и написала прямо там, на полу. - Сделав круглые глаза, она продолжила: - Даже полиция приезжала, после того её в дурку и забрали!
- А раньше она нормальной была? - похоже, Л немного заинтересовался историей.
- Мама хорошая, - девочка грустно улыбнулась, - А у тебя мама есть?
- Да, - сообщил Л и неожиданно глубоко задумался над этим фактом, словно только что осознал его.

- А она сейчас дома? - спросила Мэша. - Или ты живешь один, а маму бросил?

Чтобы не отвечать Л полез в холодильник поискать чего ещё можно дать детям. В это время вернулся Коля, вид у него был испуганный и заплаканный.

- Там туалете слышно всё из нашей квартиры, - мальчик говорил дрожащим голосом, - Всё слышно! Там папа ходит бесится и орёт… наверное, всё ломает… он нас зовёт, - мальчик был очень испуган. - Наверное, нам нужно вернуться, а то будет хуже.

- Ты же говорил : он должен успокоиться, - напомнил Л.

- Так обычно бывает, - одинокие слезинки выскальзывали из глаз Коли, - Но иногда у него глусинации, тогда он беситься и бесится и лучше нам быть вместе.

- Наверное, папа будет драться, - Мэша спрыгнула со стула и взяла брата за руку.

Л молча смотрел на них, в его душе шевельнулись давно забытые чувства: жалость, уважение и что-то, похожее на любовь.

- Ладно, - сказал он, - останьтесь пока у меня, а я схожу и поговорю с вашим папой. Думаю, мне удастся его успокоить.

- Вы совсем не знаете папу, - неуверенно сказал Коля.

- Вообще-то я доктор, - соврал Л, - И могу успокоить любого!

- Правда? - Коля посмотрел на него широко распахнутыми глазами. - Вы правда поможете?

- Да, - кивнул Л.

- А ты можешь вылечить маму? - Мэша схватила его за штанину и потянула к себе.

Л присел и обнял девочку и её брата.

- Прости, не смогу, - сказал он, - я доктор с тяжёлой рукой и мне не доверяют лечить женщин. Ну, а с вашим папой я поговорю, это как раз моё! - Л встал и направился к двери.

- У папы тоже рука тяжёлая, - сказала Мэша ему вслед.

Никчёмность 3

Покинув родную квартиру, Л внезапно почувствовал себя одураченным, он остановился перед невнушающей доверия соседской дверью и прислушался. Ему бы вернуться к себе и выставить детей за порог — может и не красиво, зато безопасно, но вместо этого он подцепил ботинком приоткрытую дверь и распахнул её до упора. Короткий тёмный коридорчик пахнул ему в лицо запахом влажных старых тряпок. Тишина стояла как в сугробе, было слышно, как осыпается с висков отмершая кожа. Л засомневался: "А не вернуться ли ему к себе?" Было похоже, что страшный папа всё-таки успокоился. Но прочь сомнения, где-то в недрах квартиры раздался удар, потом шлепок, и затем грохот разбившегося на тысячу осколков стекла. "Пришло время познакомиться с соседом" , - подумал Л, заходя в квартиру.

Двигаясь в сторону источника света, он оказался в большой комнате, там на не застеленной двухспальной кровати сидел высокий, слегка горбатый мужик. Так как мужик проигнорировал его появление, Л быстро осмотрелся: телевизор — виновник всех сегодняшних бед, лежал расколотый в груде потрёпанных, набитых ватой детских игрушек; в самой серединке прожжённого ковра - красивая горка переливчатых хрустальных осколков: не иначе, это остатки какой-нибудь семейной реликвии; гардина, крепившая ободранные шторы к стене над окном, выдрана с мясом и поверженно валяется на полу, и, что самое интересное, на дальней стене видны странные треугольные отметины, будто её расцарапал большой и безумный кот. Л решил подойти поближе и поговорить с папой, безучастно сидевшем на краешке матраца. Каким-то образом он не заметил рядом с кроватью покрытую жирным налётом алюминиевую кастрюлю и зацепил её ногой. Большая поварёшка, лежавшая на бортике кастрюли звякнула — мужик вскинул голову, а Л, из любопытства заглянул в кастрюлю. Там находилось что-то, похожее на очень густой суп из разварившейся картошки и серых кусков мяса, приправленный жаренным луком.

- Ты кто? - незлобно, но грубо спросил «папа». - Чего тебе надо? В кастрюле шаришь? Ты повар, что ли?

- Да, - солгал Л.

«Папа» кивнул, словно это объясняло появление незнакомца в квартире и отвернулся.

- Это я своим деткам приготовил, - сказал папа, - Только где они?

- Там, - Л неопределённо махнул рукой в сторону двери, - Ты чё, бухой?

- Ну, да, - печально согласился папа, не было совершенно похоже, что он способен разгромить квартиру.

- Чё ты мебель переломал? - Л пнул треснутый корпус телевизора, из него вылетело несколько цветных осколков платы и кусочек стекла. - Зачем?

- Это не я, - печально и протяжно сообщил папа, - Это моя дурная натура. Где дети?

- Дети в порядке, - присев на кровать, Л ногой отодвинул кастрюлю с супом. - Какие тебе дети?! Ты бухаешь и дерёшься!

- Это не я, - упрямо повторил «папа», - Зверь во мне сидит… это всё он!

- А с чего это он у тебя появился, зверь этот?

- Уродили меня таким, - грустно говорил «папа», - Как есть! С одной стороны человек, с другой - зверь!

- А жена у тебя есть?

- Да, - «папа» обречённо махнул рукой, - Влечебке она, женская дурость у неё…

- Вот как, - только и смог сказать Л.

"Вроде всё спокойно, - подумал Л, - странно, но спокойно, пойду позову детей." Он встал и почти вышел из комнаты, но его остановил грубый отклик:

- Выпей со мной!

- Нет! - твёрдо ответил Л. И тут же свалился от удара в висок.

- Ты чего это?! - спросил Л с пола.

- Ты мне грубиииишь!! - взвыл «папа» и пнул Л в живот. - Ааа! Сейчас ты получишь! - Он схватил Л за плечи и швырнул его об стену.

- Я тебя проучу! Так проучу… - даром, что тощий, «папа» оказался достаточно сильным, чтобы швырять Л по комнате. - Ты у меня в больничку уедешь!

Воспользовавшись паузой в «папиных» действиях, Л заполз под кровать. «Папа», казалось, удивился такому и замер посреди комнаты. Но не надолго, опомнившись, он перевернул кровать и прыгнул на Л., Л откатился в сторону и встал у стены.

- Чего за дела? Ты рехнулся?

- Я… – «папа» остановился, посмотрел на сжатые кулаки, - Простите, я ничего не могу поделать…

И он треснул Л по голове, чудом не потеряв сознание, Л приготовился ответить ударом на удар. Но «папа» не предоставил ему такой возможности, он ловко и точно лупил Л по голове и рёбрам. Изловчившись Л снова спрятался за перевёрнутую кровать и на этот раз он был хитрее: пока папа искал его с одного края, Л вылез с другой стороны. Подняв с пола гардину, Л наскоро оторвал перепутавшиеся шторы и вооружённый длинным тупым копьём ринулся в бой. Он как следует врезал папе по голове, алюминиевая гардина погнулась, а на лице папы появилось выражение искреннего удивления:

- Ты дерёшься нечестно! - возмущённо заявил папа. - Брось палку!

- Теперь я должен проучить тебя, - задыхаясь выпалил Л, - Я научу тебя…

- Нет-нет, - папа перебил его, - Тогда я тоже перестану тебе помогать!

- Что? - удивился Л. - Помогать?!

- Да, ну да, - папа нагнулся отодвинул кастрюлю с супом (чудо, что её не перевернули во время драки), приподнял угол ковра и достал ржавый топор на длинной ручке. - Так-то!

Папа ловко подбросил топор, поймал его и с размаху зарубил в бетонную стену. Л показалось, что основание дома содрогнулось, а из стены вылетел длинный и узкий осколок.

- Ну что? - спросил папа и ухмыльнулся.

"Надо линять, вот что!" - подумал Л и кинулся к выходу. Квартирка не отличалась оригинальной планировкой и размерами, спустя секунды Л был в коридорчике, напротив двери. Его подвела тень, спешка и скорость, он споткнулся обо что-то и упал, ударившись головой о полуразвалившийся стол из дсп. Подняться он смог не сразу, а точнее совсем не смог, потому как над ним стоял папа с топором на плече. "Вот зараза! - подумал Л, - никогда не ожидал что это произойдёт так…"

- Пап, не надо, он хороший, - из темноты появился Коля, почёсывая правый висок, это об него споткнулся Л, - Он наш сосед.

- Сосед? - папа словно и не подозревал, что живёт в многоквартирном доме. - У нас?

- Да, папочка, - Мэша, прятавшаяся за братом, обняла папу за ногу, - Он добрый, он нас покормил, совсем как повар из столовки, только не объедками, а целой едой!

- Так вы у него были?! - папа внезапно рассвирепел и взмахнул топором.

- Мы ходили в гости, - сказал Коля. - Он нас кормил и он повар.

- Повар? - папа, казалось, успокоился. - Значит, он может чего-нибудь приготовить?

- Может! Может! - Мэша запрыгала возле папы. - У него всё вкусное!

Отложив топор, папа поставил Л на ноги.

- Хорошо, что ты пришёл, повар, - папа хлопнул Л по плечу. - Мне осточертело готовить самому, да и я умею только суп варить. А ты чего, будешь готовить на нас, пока моя жинка в больнице?

- Ладно, - согласился Л, вспоминая ужасный топор.

- Хорошо, - папа нашёл в себе силы по-доброму улыбнуться. - А продукты у тебя есть?

Никчёмность 4 (конец, которого не было)

Прошло три дня, Л понемногу втянулся в обыденную жизнь своего соседа. Нельзя сказать что-бы у него не было возможности уйти, но у этих троих, что невероятно он нашёл странное чувство семьи, общности, не смотря на все сложности они держались вместе. К тому же, он чувствовал себя исследователем, забравшимся в самое дикое племя туземцев и наблюдавшем изнутри их привычки и повадки.

На должности повара Л справлялся не очень хорошо, у него всё или подгорало, или слипалось или убегало, но все оставались довольны, вероятно с готовкой у папы всё обстояло ещё хуже. С той вспышки гнева папа держал себя в руках, он придумал сложную схему распития алкоголя, ему было необходимо соблюдать баланс, между чтобы не отупеть, и чтобы не озвереть. В тот знаменательный вечер папа ошибся и зверь взял верх.

По странной прихоти вся семья ложилась спать в одной комнате, в той самой где под ковром лежал топор, дети спали на кровати а Папа и Л, валялись на жёстком полу. Ковёр пропах дымом горящих осенних листьев и спать на нём оказалось удивительно приятно.

Каждое утро Коля, прихватив замызганный портфельчик и до красноты растерев холодной водой заспанное лицо, отправлялся в школу, а Мэша встававшая часом позже, занималась игрой на пианино. Да, это не вероятно, но у них оказалось расстроенное пианино. Чтобы инструмент не занимал ограниченное пространство квартиры, папа поместил его на балкон.

Пока Мэша терзала измученный инструмент, играла она положившись на интуицию, едва ли она читала открытые перед ней ноты, Л пил жидкий кофе из кружки с обломанной ручкой, и смотрел на неё через открытую балконную дверь. Л оставалось только удивляется почему никто из соседей не требует прекратить ужасные как ржавые вязальные спицы звуки. Наверное все были знакомы с дурным нравом папы. Так в странной рутине прошло ещё несколько дней и Л начал уставать от заточения в соседской квартире.

...

Дети, сидели на липком полу и собирали пазл, даже отсюда Л видел что половины деталей не хватает, но с маниакальной настойчивостью дети продолжали искать несуществующие кусочки. Л уже приступил к готовке очередного ужина, понимая что привлекательность новых знакомых померкла и пора что-то менять.

- Что у нас сегодня на обед? - строго спросил папа, сидя на табурете с треснутой крышкой,

возле его правой ноги стоял топор, недавно папа изобрёл усовершенствование, прикрутив изолентой к ручке две искривлённые вилки. Теперь топор мог не только рубить, но и колоть.

- Макароны, - ответил Л, устало взглянув на красную пачку с поваром, - перья номер семь.

- Перья?! - возмутился папа. - Но я хочу бантики!

- А галстуки ты не хочешь?

- Что?!-Встрепенулся папа, - Дерзишь?!

Почувствовав возмущение отца, прибежали дети и обняли его за тощею грудь. Взглянув на неприкрытую семейную любовь, Л скрипнул зубами и отвернулся к плюющейся паром кастрюльке.

Внезапно в дверь позвонили, от неожиданности Л взмахнул рукой и больно ударился об угол стола.

- Звонок, - сказал Л обернувшись к папе. Папа широко распахнув от удивления, маленькие глазки, уставился в потемневший от жира и пара, потолок кухни.

- Нет, - наконец ответил папа, шумно проглотив комок слюны, - если бы в дверь колошматили я бы открыл, а так… давайте здесь отсидимся.

- Пойду открою, - Л шумно высыпал макароны в кипящею воду, - помешай…

- Нет, - от волнения папа забыл про топор и попытался схватить Л за плечи чтобы остановить.

Но поздно, Л вырвался, и через минуту уже отодвигал тяжёлый засов на входной двери.

За дверью стояла женщина с крашенными рыжими волосами, поцарапанным носом и шелушащимися губами. Лицо женщины выражало странное презрение, словно она увидела таракана ползшего по вишенке праздничного торта. В руках она держала объёмистую чёрную сумку.

- Вы к кому, женщина? - вежливо осведомился Л.

- Я к себе домой, - пихнув Л плечом женщина протиснулась в квартиру.

- Так вы мама? - догадался Л.

Женщина не ответила, бросив сумку на пол, она направилась на кухню. Дети бросились ей на встречу, а за ними, неловко обнимая топор появился папа.

- Дорогая сладенькая конфеточка, - папа говорил странным дрожащим голосом обиженного ребёнка, растягивая слова, - ты уже дома?

- Отцепись, - резко бросила мама, сухо потрепав детей по нечёсаным волосам, она прошла на кухню.

Вся семья включая Л, почтительно последовала за ней.

На кухне мама сразу же кинулась к плите, сорвав крышку со сковородки с тушёными куриными бёдрами, мама пальцами достала кусок курицы и стала пожирать шумно чавкая.

Всеми забытые макароны печально булькали в кастрюльке.

- Почему вы так рано вернулись из лечебницы? - Вежливо поинтересовался Л, между делом снимая кастрюлю со слипшимися макаронами с плиты.

- Из какой лечебницы? - насмешливо поинтересовалась мама, у неё в зубах застряли длинные серые кусочки куриной кожи.

- Ну, из дурки, - напомнил Л.

- Быстро? - осведомилась мама, улыбаясь жирной улыбкой. - Две недели почитай как прошли… да ты понимаешь, вылечили меня. А ты кто?

- Он повар! Повар! - закричали дети и бросились обниматься к маме.

Брезгливо тряхнув ногами мама отпихнула детей.

- А знаешь почему я в дурку попала? - мама подошла к папе в плотную и заглянула ему в глаза.

- Почему? - спросил Л, хотя подозревал что ему лучше не знать.

- А вот, полюбуйся, - впервые в мамином голосе прорезались нотки сварливой жены. - Вот она причина!

Она ткнула коротким и толстым указательным пальцем папе в рёбра. От неожиданности папа вскрикнул, подскочил и инстинктивно (Л видел по его глазам что он этого не хотел), кулаком ударил маму в висок. Как скошенная под корень травинка, мама рухнула на пол, ударившись головой об острый угол холодильника, обгрызенный кусок куриного бедра вылетел у неё из рук.

- О боже! - вскричал папа, он бросился к маме и начал теребить её за грудь, словно пытался возбудить.

Зрелище одновременно притягательное и отталкивающие.

- О боже, - вопил папа, теперь он принялся хлопать маму по щекам, - я убил её, убил… нет!

Поднявшись, папа схватился руками за голову, и выбежал из комнаты. Пелена застилала ему глаза, он хотел выбежать на балкон, но промахнулся и врезался в стену. Стена отбросила его на пол. Папа подскочил и повторил попытку. Стена выдержала и папа утроил усилия. На сей

раз в его голове что-то хрустнуло, но папа всё равно попытался встать на ноги.

Сорвав влажную, несвежею простыню с кровати, Л связал расстроенного папу и оставил одного. Папа продолжая выкрикивать неразборчивые слова, метался по полу надеясь освободится.

На кухне мама уже пришла в себя и пила воду из захватанного стакана с маленьким сколом на ободке. Она робко улыбнулась Л и стала похожа совсем другую женщину. Наверное удар пошёл ей на пользу, если так можно выразиться.

- Здравствуйте, - робко сказала она переменившимся голосом, - а что вы здесь делаете?

- Он нам готовит! - радостно сообщили дети.

О нет! - в испуге подумал Л, - я уже это слышал. Это заколдованная квартира. Так я никогда не выберусь.

-Стойте! Стойте! - закричал он, прежде чем мама успела что-нибудь сказать. - Я не повар! Я живу по соседству и только!

- Но ты же варил макароны, - резонно заметила мама.

- Я… - начал Л и замолчал, что тут скажешь? Он решил переменить тему. - Ваш папа сошёл с ума и бьётся в спальне головой об стену.

- Так это не проблема, мы сдадим его в дурку. - мама встала на ноги, пошатнулась и Л подхватил её. - Какие у тебя крепкие руки.

- Я ухожу, - заявил Л, - я не смогу решить ваши проблемы. Вы странные, но удивительное дело у вас есть семья, и вы… вы… живите как хотите!

Широко шагая, он покинул квартиру под грустными взглядами детей. Он ничего не смог сделать для этой семьи. Он чувствовал: у них была взаимная любовь, но почему тогда они не могут распорядиться своими жизнями? А ты сам-то, - насмешливо подумал он, - ты-то почему не знаешь куда себя засунуть?

- Заткнись, - сказал Л сам себе в тёмном подъезде.

Двойные двери его квартиры, надёжно закрылись за ним. Он оказался на своей идеально чистой и спокойной кухне. Л налил стакан сока и медленно пил, наслаждаясь сияющей чистотой и одиночеством. Он посмотрел на бессмысленно вращавшуюся секундную стрелку часов и затосковал. Совершенно иррационально, он скучал по семье за стеной.

Получая письма

Получая письма 1

" Помнишь, гуляли мы под жёлтой луной.

Помнишь, как руку твою, я крепко сжимал, как нежно тебя обнимал.

Помнишь, те первые слёзы, помнишь, там, под тенью берёзы?

Помнишь, разбитые грёзы?

Помнишь... "

Небо сбрасывало вниз тонкие струйки воды. Зелёные, тускло блестящие, резные дубовые листья, дрожали под напором яростных капель. На длинных сосновых иголках собирались миллионы мутных капелек. Отяжелевшие от влаги стебли травы гнулись к земле. Слабый, еле заметный ветерок, задувал в спину. Под ногами радостно хлюпало болото. Болотная вода незамедлительно хлынула ему в башмаки. Л улыбнулся, подобные мелочи его не расстраивали. Он нагнулся чтобы проскользнуть под разлапистой еловой веткой. Но затем передумал, ударив правой рукой по ветке он залюбовался мириадами капель обрушившихся ему на голову. Всё равно он промок до нитки, терять уже нечего…

Л продолжил путь по болоту, из под ног в стороны бросались испуганные лягушки. Нынче лягушек развелось немерено, похоже цапли прогуляли свою смену. Конечно в болоте ходить опасно, можно отправиться на дно, но сегодня Л спешил домой. Он ждал письмо. Отсюда Л уже видел голубую, железную крышу на склоне пологого холма. Чувствуя как нетерпение понемногу возрастает, он решил остаток пути проделать бегом. Вырвавшись из болота, он стал карабкаться по склону, цепляясь руками за мокрую траву. А ведь гораздо проще было идти по дороге в лесу. Но Л жил для души и не искал лёгких путей. Срывая ногти, царапая руки и пачкая колени тёмно-зелёным травяным соком, он на четвереньках как крокодил, заполз на холм и вцепился пальцами в низенький деревянный заборчик. Если бы не забор, он бы пожалуй соскользнул обратно. Отдышавшись, он перелез через забор, и оказался на огороде, в самой гуще поникших под дождём подсолнухов. Не обратив на цветы никакого внимания, он быстро обошёл дом, поднялся на крыльцо и замер в поисках письма.

Письма не оказалось. Проклятье! Ведь почтальон обещал прийти сегодня. Он тщательно обыскал двор — вдруг письмо сдуло ветром? Во дворе пусто. В гневе он посмотрел на собаку высунувшую длинный розовый язык из будки.

- А ну иди сюда! - приказал он псу.

Пёс пошевелил ушами и не подчинился.

Л нагнулся и выдернул сопротивляющегося пса из конуры. Чертыхаясь, он наполовину залез в конуру и обыскал пропитанную собачьим теплом подстилку. Ничего похожего на письмо не оказалось. Выбравшись из конуры, Л лёгким пинком отправил ни в чём не повинного пса на место.

Почтальон, - подумал он, - обманул…

И как всегда бывает в минуты отчаяния, Л заметил слипшийся листочек, спрятавшийся в разросшемся кусте жасмина у калитки. Он освободил листочек от веточек и бережно отнёс на крыльцо, под крышу. Осторожно, чтобы не порвать, он развернул лист тонкой нелинованной бумаги. Он долго всматривался в растёкшиеся от влаги строчки, прежде чем смог понять смысл послания.

«Здравствуй. Я сегодня заходил. Тебе пришло письмо. Где твой почтовый ящик? Я его так и не нашёл. Нет ящика — нет письма! Сам понимаешь. Приду на неделе. Пжлст поставь ящик. Посылкин Игорь, почтальон.»

Аааа… Ну и кого винить? В гневе Л ударил кулаком по лбу. С пропитавшихся влагой

волос, потекла вода. Продолжая тихо ругаться, Л разулся, сорвал с себя мокрую одежду, бросил грязным комом на крыльце, распахнул скрипнувшую дверь и вошёл в дом.

На кухне домовой растопил печь и вскипятил чайник. Л остановился около печки, и застыл в поднимающихся волнах тепла. Ничто не сравниться с теплом от печки. Ни обогреватель, ни чугунная батарея, ни алюминиевый радиатор… Жар от печки, это не какое-то банальное тепло. Печка греет и успокаивает одновременно. Закрыв глаза, Л купался в поднимающихся потоках нагретого воздуха, его мокрое, липкое тело постепенно возвращалось к нормальному состоянию. Его душевные силы окрепли, а настроение улучшилось. Он подумал что пара дней в конечном счёте ничего не решит (как же он ошибался). Просохнув достаточно, Л снял с печки чайник и сел за стол.

Сорвав тугую прозрачную плёнку с картонной банки лапши, Л ногтем подцепил фольгу и открыл баночку. Из лапши пахнуло токсичным запахам несварения желудка. В ответ Л лишь ухмыльнулся, он уже профессионал в лапше, запахом его не испугаешь. Залив лапшу кипятком, он палочками перемещал содержимое банки, осталось подождать пару минут и обед готов.

- Жрёт как нехристь, - проскрипел домовой. - Борщи с капустой…

Л заглянул за печку — домовой сидел на красном пуфике, и рубился аркадным стиком в «киллер инстинкт» на приставке.

- Замолчи, - потребовал Л, - а то будешь на ночь Достоевского читать.

Домовой недовольно хрипнул в ответ, но промолчал.

Л вернулся за стол, и приступил к поеданию лапши деревянными палочками. То ещё извращение, но профессионалы не пасуют перед трудностями. Из-за печки доносились звуки комбо-ударов.

- Послушай-ка, - крикнул Л, - почему у нас нет почтового ящика?

- Почём я знаю, - возмутился домовой, - никогда и не было.

- Так иди и поставь! - потребовал Л.

- Неа, - ответил домовой, - из дому я не ходок. Сам знаешь.

- Ладно, - Л ловко заправил в рот длинный скользкий пучок лапши, - а где его взять-то?

- Как где, - крикнул домовой из-за печки, - у гномов…

Он прав, подумал Л.

На столе стояла жестяная банка с танцующими разноцветными пони. Большими яркими буквами по краю банки тянулась надпись: «Леденцы жокей — соси веселей!» С трудом Л открыл тугую крышку, выбрал кардамоновый леденец и вознаградил домового за подсказку.

На другой день, пасмурный и серый но без дождя, Л отыскал гнома под раскидистым, старым дубом. Гном срывал мелкие, не дозревшие желуди, и горстями пихал и их в рот. Гном был в шляпе, зелёной курточке, длинный сапогах до пояса и с бородой. Л медленно приблизился к гному, и заглянул ему в бороду. В бороде отчётливо проглядывали седые волоски. Это хорошо, подумал Л, - значит он семейный. А семейные более сговорчивые…

- Здравствуй господин гном, - почтительно поздоровался Л. - Как вас зовут?

Гном презрительно плюнул не пережеванными желудями ему под ноги, раздул бородатые щёки и ответил:

- Григорий.

Л едва не подавился леденцом «жокей»

- Послушайте Григорий, - начал Л, - вот, вы гном?

- Так.

- Значить вы с железом мутите? Руды копаете? Соляру жгёте, метал плавите?

- Так.

- Вы можете мне почтовый ящик сделать?

- Так. А мне что за это?

- Мешок каши, - Л снял со спины туго набитый матерчатый мешочек, - Геркулес!

- С чем? С орешками? - жадно поинтересовался гном.

- С изюмом!

- Годиться, - одобрил Григорий-гном.

Через два дня, Л получил пахнувший огнём и молниями, почтовый ящик. Не в силах больше ждать почтальона, Л нацарапал на ящике свой адрес, и сам пошёл на почту. После недолгих пререканий,(почтальон собирался исполнить свой долг и доставить письмо по адресу), Л получил первое в своей жизни письмо.

Не в силах терпеть до дома, он разорвал конверт, достал пахнувший осенними цветами листочек, развернул и поднёс к глазам…

"Мокро на душе, а зонтик остался у тебя. Радуга, радуга, как же скучаю я. Дождик, дождик проходи, а ты скорее ко мне приходи…"

Л многократно перечитал последние слова и в отчаянии уставился в небо — дождиком и не пахло. Дождик прошел, а он так и не успел придти к ней… - слёзы отчаяния рванули из глаз. Низко наклонив голову, он поплёлся домой, таща в руках дурацкий почтовый ящик…

Не доходя до дома, Л бросил бесполезный теперь почтовый ящик в высокие заросли полыни.

Острыми углами ящик повредил длинные зелёные стебли полыни и горький аромат медленно

поплыл в холодном вечернем воздухе.

Получая письма 2

Целую ночь Л не мог спать. Всё ходил по комнате, смотрел в окно на далёкие звёзды, слушал храп домового. Временами он бросался на кровать, зарывался лицом в подушку и жевал грубую наволочку, до тех пор пока та не становилась мокрой от слюны. Тогда он шевелил пальцами на ногах, поднимался пил тёплую воду и мотался кругами по комнате. Под утро он повалился на влажную простыню и забылся мучительной дрёмой.

Днём в грязной и мятой одежде, Л отправился погулять. Он чувствовал себя свалявшейся тряпкой. Чёртово письмо - думал он, - я даже не знаю кто его отправил. Лучше бы оно и не приходило. Примятая вчера полынь успела выпрямиться. С дороги виднелась верхняя часть сделанного гномом ящика. Проходя мимо, он против воли бросил взгляд на ящик. И резко остановился, в прорези для писем, виднелся белый уголок конвертика.

Бросившись в полынь, Л вытащил ящик на дорогу, своротил крышку и достал письмо.

«Солнце светит на окошке, на окошке прячутся кошки, раз, два, три, четыре, пять ты найди меня опять. Иди прямо на солнце, я там среди кошек, та у которой твои глаза - это я»

Не долго думая Л повернул на солнце и прикрывая глаза рукой, полностью доверяя автору письма, отправился на поиски кошек. Сначала он шёл по дороге, осторожно обходя красивые глубокие лужи с прозрачной водой. На дне луж плавали меленькие юркие лягушата. Солнце отражалось на их тёмно-зелёных спинках. Потом дорога повернула на право, а солнце осталось на прежнем месте.

Твёрдо следуя тропе солнца, Л сошёл с дороги, перелез через глубокую канаву, перепрыгнул низкий покосившийся забор и оказался на чужом огороде. Владельцы огородов, как правило очень не любят чужаков в своих владениях. Л пригнулся и пополз по меже, вдоль грядки с огурцами. Через некоторое время он обнаружил что его кто-то преследует. Л немедленно выпрыгнул из межи и укрылся среди длинных стеблей кукурузы. Преследователь разгадал его манёвр и притих. Л быстро лёг на землю и перекатился на право. В рядах кукурузы пронёсся шорох и всё стихло. Не поднимая головы, Л прополз вперёд с расчётом зайти преследователю в тыл. Он вылез из кукурузы, перепрыгнул межу, и наступил на грядку с салатом. Сочные резные веера салатных листьев мягко покачивались на лёгком ветерку. Против воли, Л обломал салатный лист, засунул в рот и захрустел. Позади раздался шорох и тихое позвякивание. Л резко обернулся, не смог сохранить равновесие, поскользнулся на влажной земле и упал в межу.

Из влажной огородной тени, ему на грудь выпрыгнула лисичка с длинным пушистым хвостом. Л почувствовал холодный танец её лапок у себя на животе. Перебравшись ему на грудь, лисичка посмотрела на него холодными тёмными глазами. Л подумал что теперь она вцепиться ему в горло, он никогда про такое не слышал, но не существовало ни одной причины почему она не могла это сделать. Он закрыл шею правой рукой, в надежде что лисица оставит его в покое. Вместо этого лисица завертелась вокруг себя, блеснула ярким оранжевым хвостом с белым кончиком и юркнула ему под куртку. Что?! От страха Л мгновенно забыл про осторожность и встал на ноги. Лисичка вертелась у него под одеждой. Сейчас она прогрызёт мне грудь — подумал Л, он видел нечто подобное в кино.

Трэск-трэск, - затрещали раздвигаемые кукурузные стебли. Из кукурузы вылезло чудовище, круглая старушка в высоких сапогах, кожаном переднике забрызганном акварельными красками, толстом розовом свитере, коричневой шляпе и маленьких голубых очках. Где же тут чудовище? А вот где — в правой руке старушка держала пистолет «Глок-17».

- Ты «омега» что-ли? - шёпотом спросила старушка и ткнула в его сторону пистолетом. - Беремен поди?

- Что? - просипел Л, чувствую как лисица затряслась у него под курткой.

- Чё-чё, - передразнила старушка. - Лисицу не видел?

Л не испытывал особой симпатии к зверю у него под курткой, но опасаясь что старушка начнёт пулять ему в живот, отрицательно затряс головой.

- А лан, - старушка взмахнула рукой с пистолетом, - пущай живёт. Но хвост у неё такой красивучий… думала племяннику задарить.

Ничего не отвечая, Л тихо попятился от старушки.

- Стоп-ка! - старушка направила на него ствол. - А ты жирный бездельник, воровать у меня повадился?

- Нннет, - Л обхватил руками живот руками чтобы лисица не выпала.

- А чего? Чего здесь делаш? - старуха показала ему сморщенный кулак левой руки, - может мне тебя отретушировать?

- Нненада — выпалил Л, - я кошек ищу.

- А че ты отсюда то влез? - старушка спрятала глок в карман передника, - за кошками то в калиту надо была. Кошек то у меня за два года прорва народилась. Пыдём-пыдём. Придерживая живот-лисицу левой рукой, Л обошёл старушку и затопал по меже. Старушка мерно шагала позади. Л всё время казалось что она тыкает пистолетом ему в спину. Межа закончилась в маленьком, захламлённом дворике. Середину дворика занимал большой мольберт, с незаконченной картиной и множество баночек с акварелью. На практически законченной картине, Л разглядел уходящие в даль горы, серо-синие небо, тусклое солнце, изгиб реки, плот на реке, на плоту лежали горки ананасов и гроздья чёрного винограда. Между россыпей фруктов, на трёхногой табуретке сидела обнажённая женщина и играла на скрипке.

- Что это? - спросил удивлённый Л. - Натюрморт?

- Пейзаж, дурень, - старушка отвесила ему подзатыльник. - Где твоё образование?

Л сглотнул, поправил лисицу и промолчал.

- Обходи дом, - велела старушка. - Там смотри.

К восточной стороне дома пристроили длинную, застеклённую веранду. На подоконнике, по другую сторону окон, грелись в лучах солнца не меньше двух дюжин кошек. В основном старушка предпочитала трёхцветный, пушистых плоскомордых кошек с холодными хищными глазами.

Старушка постучала ногтем по стеклу, кошки дружно подняли головы и выжидающе посмотрели на них.

- Выбирай и забирай, - велела старушка.

- У которой из них мои глаза? - шёпотом спросил Л.

Лисичка выглянула у него из воротника, посмотрела на него но Л ничего не заметил.

- Таких нет, - сказала старушка, внимательно глядя на него. - Таких нет, я бы знала, у меня глаз художника.

- Тогда… мне не подходит… - Л испуганно повернулся к старушке.

- Тогда дуй отсюда, - старушка кивнула в сторону маленькой, низенькой калитки. - Чего мне голову морочишь.

Мгновенно погрустнев, растерянно озираясь по сторонам, Л покинул дворик художницы.

Удалившись на безопасное расстояние, Л отпустил лисицу. Лисичка отбежала от него, уселась на краю дороги, обернув ноги шикарным хвостом, и уставилась на него умными глазками.

- Иди прочь, - Л замахал руками, - уходи обратно в лес. Не тревожь меня…

Чувствуя себя немного не в себе, Л зашагал домой. Он ни разу не оглянулся, но слышал как тихо и не весомо лисичка следует за ним. Наконец ему надоело, он развернулся, закричал дурным голосом и кинулся на лисичку. Предостерегающе взмахнув хитрым рыжим хвостом, лисичка бросилась в лес. Он остановился и проводил её тяжёлым, полным разочарования взглядом. Молча, с тяжёлым камнем в душе, Л возвращался домой, а из леса, из густой тёмно-зелёной темноты под раскидистым дубом, за ним следили умные глаза лисички.

Получая письма 3

Утром пришёл почтальон. Ладно бы он явился сам по себе, но нет, он принёс почтовый ящик, повесил его на забор и, под мрачным взглядом Л, опустил в прорезь письмо. Л долго сидел на ступеньках крыльца и мрачно глядел на ластившуюся к нему собаку. Он хотел накричать на кого-нибудь, но, как назло даже домовой спрятался за печкой и грустил. Сегодня всем грустно.

Наконец, он встал, сустав в правой коленке тихо скрипнул, и шаркая ногами достал письмо.

«Ветер потерялся, а ведь был...был, рядом с тобой был, ты трепал мне волосы и улыбался моим веснушкам и говорил, что мой ветер - это ты»

Л закрыл глаза и постарался заглянуть в себя. Он собирался узнать что для него значат эти письма. Он хотел представить и понять мотивы незнакомки переписывающейся с ним. В конечном итоге, он хотел почувствовать её. И ничего не вышло. Тоскливо. Письмо настроило его на печальный лад. Всё потерянно и потрачено… Ему стало так грустно, словно его душа сжалась до размеров скомканного платка и провалилась куда-то в пятки. Тёплый и мягкий, нежный как утешающий поцелуй, летний ветерок обнял его щёку. Сдул одинокую слезинку из уголка глаза. И чего это я, так к ней привязался? - удивлённо подумал Л. - Я даже не подозреваю кто скрывается за этими строчками.

Так как делать было нечего, наученный предыдущим опытом Л не собирался отправляться на безрезультатные поиски, он отправился на огород. После дождя, между рядами тёмно-зелёной картофельной ботвы, вытянулись бледные, жилистые стебли сорняков. Лучшее средство от чёрных как грозовые облака мыслей, тяжёлая монотонная работа. Л вполз на картофельную грядку, и начал выдёргивать отчаянно цепляющуюся корнями за влажную землю, траву. Иногда ему казалось что в картофельных рядах кто-то ходит. Если ему случалось неожиданно обернутся он замечал в густой зелени, яркий как закатное солнце, быстро исчезающий словно солнечный зайчик, пятныщко чистого оранжевого цвета. Он не предавал этому значения, продолжая самоотверженно расправятся с сорняками.

Картофельные грядки начинались от маленького заборчика огораживающего огород от дома и спускались до неровной кромки леса. Погружённый в яростную борьбу с сорняками, Л незаметно спустился и оказался в тени высоченных дубов. В тени картошка росла плохо, а вот трава, наоборот хорошо. Л некоторое время рассматривал высоченные сорняки. Тут пожалуй, было бы уместнее вырвать картошку, а траву оставить на месте. Тяжело вздохнув, Л приступил к решающей схватке.

Вдруг, из-за деревьев он услышал раздражённое шипение. Что-бы там не было, подумал Л, меня это не касается. Собрав огромную охапку выдернутой травы, Л отволок её к забору со стороны леса, поднатужился и перебросил на ту сторону. Только он повернулся спиной к лесу, раздалось раздражённое шипение, потом что-то похожее на высокий женский крик, и на спину ему бросился кто-то очень сильный и сшиб его на землю. Ломая толстые, водянистые картофельные стебли Л повалился на грядку.

Тупая, серо-коричневая гладкая морда, заслонила кусочек синего неба перед его глазами. Л так и не понял что это за зверь. Отпихнув морду, Л встал на ноги. Большая серо-коричневая кошка, с гладким гибким телом, нервно прыгала по огороду. Что? - в очередной раз подумал Л. Громко взвизгнув кошка бросилась на него. Л успел отвернуться и почувствовал как острые, твёрдые когти царапнули его по спине. Он упал на грядку, лицом в землю. Зарычав кошка укусила его за ногу, задёргала плоской головой и сорвала с ноги высокий сапог.

Испугавшись, Л поднялся и побежал домой прямо по картофельным рядам. Одним

прыжком зверь настиг его и снова повалил. Перевернувшись на спину Л взглянул в блестящие, разъярённые звериные глаза. Одной секунды оказалось достаточно что-бы понять - зверь метит ему в горло. Защищаясь, Л вскинул правую руку. Зверь зарычал, глядя прямо в раззявленную пасть, в блестящие желтоватые клыки, и бешено метавшийся в клетке рта розовый язык, Л понял что его жалкая рука не остановит зверя.

Собственно говоря, ему оставалось только наблюдать что произойдёт дальше. Он не собирался сдаваться, но что здесь можно предпринять? Изготовившись к броску, зверь присел на задние ноги. И тут, из зарослей уцелевшей картошки, ему на грудь выпрыгнула лисица. Л окончательно потерял смысл происходящего. Распушив огромный как столб рыжего огня хвост, лисичка повернулась к зверю, оскалив блестящие зубки, она стала на ступать на зверя. Зверь опешив от такой наглости, захлопнул пасть и отодвинулся подальше.

Но силы были не равны, дрожащая от страха и ярости лисичка наступала на зверя, а зверь уже отойдя от первого шока, собирался закончить начатое. Маленькая и гордая, яркая и смелая лисичка выиграла ему несколько секунд, несколько глубоких вздохов и влажный запах потревоженной земли, будет последним…

- Есть кто у вас там? - скрипучий вредный голос разорвал воздух. - Кто тама? Я слышу, выходите!

Над не высоким забором со стороны улицы, появилось лицо старушки-художницы.

- Чиво?! - вскричала старуха. - Лиса.

Художница выхватила пистолет, квадратный, тупой нос глока чёрной теньюв полз на огород. Зверь, удивлённый таким количеством народа, встревоженно замер и старушка его не заметила.

Лисица с нервным подвижным хвостом продолжала стоять между Л и зверям. Обхватив рукоятку двумя руками, старушка тщательно прицелилась.

- Уходи, - шепнул Л, лисичке, - беги, спасайся…

Но лисица осталась, как верный признак храбрости и стойкости, в небо устремился рыжий хвост. Л не мог смотреть на это, приподнявшись он схватил лисичку, прижал к себе и повернулся спиной к старушке.

Три выстрела слились в один. Л почувствовал как нечто холодное прожужжало над ними. Его длинные спутанные волосы взъерошились, ухо обожгло горячей волной, что-то пихнуло его в грудь и подбросило… Лисичка выбралась из его объятий, заглянула ему в лицо, ткнулась холодным носом в щёку.

Раздался треск ломаемого забора, взвизгнули выдираемые гвозди, на огород ворвалась старушка, из ствола глока в её правой руке, поднималась тонкая струйка серого дыма. Она выглядела так словно собиралась добить Л.

- Тю! - старушка осмотрелась, ткнула пистолетом в лису, - Свезло тебе друг. Хорошо что у меня глаз художницы, в последнею минуту руку отвела.

- Ты подстрелили меня, - прошептал Л.

- Неа, - старушка махнула рукой, - никуда я не попала.

Л ощупал себя на предмет пробоин в коже и внутренних органов, ничего не нашёл. Тогда он сел, пошевелил ногой, лисичка прижалась к нему, Л чувствовал как она дрожит.

- Кто этот зверь? - спросил он.

- Пума.

- Пума? Откуда?

- Ты чё газет не читаешь? - старушка укоризненно посмотрела на него. - Пума сбежала из шоу «танцы с пумами».

- Оу, - только и смог сказать Л.

- Да, да, - подтвердила старушка, и подняла пистолет.

- Не стреляйте, - Л прижал лисичку к груди, - она мой друг.

- Так она домашняя, - старушка отправила глок в карман передника, - ну смотри, если она у меня всех кур перетаскает, буду к тебе за яйцами приходить.

Хлопнула входная дверь дома, на крыльцо в пижаме и тапочках выбрался домовой.

- Ба, - удивилась старушка, - домовой. Прям как из манги.

- Мангу я люблю, - крикнул в ответ домовой. - Вот недавно «Триган» купил...

- Наган?! - удивилась старушка и зашлёпала прочь с огорода. - Дай посмотреть!

Отпустив лисицу, Л прихрамывая поплёлся за старушкой. Выбравшись с огорода, он оглянулся, лисичка стояла на картофельной грядке, вопросительно подняв лапку, Л махнул ей рукой, домой они зашли в месте.

Старушка быстро нашла общий язык с домовым, похвасталась пистолетом, выпила ведро квасу и решила остаться в гостях. В качестве компенсации она собралась приготовить ужин — мясные ежики в подливе. После ужина все отправились спать, почтенной старушке-спасительнице выделили лучшее место, но она отказалась, заявив что всегда спит на полу.

Ранним-ранним утром старушка ворвалась в спальню Л, сорвала с него тонкое летнее одеяло, схватила его за забинтованную ногу, и дёрнула. Л подскочил на кровати, смущённо прикрываясь подушкой.

- Я же к тебе не просто так пришла, - старушка взмахнула руками и надула румяные щечки.

- Да я уже догадался, - Л постарался полностью спрятаться за подушкой.

- Да чего ты, - старушка пренебрежительно взмахнула рукой и Л почувствовал лёгкий укус обиды. - На меня, по ошибке твоё письмо пришло.

- Что?

- Да, вот, - она протянула ему чистый белый конверт, - адрес твой, а занесли мне.

Л взял конверт и прочитал, адрес.

- Да, - согласился он, - мне.

- Ты читай скорее, я и так его лишний день придержала, - старушка поправила передник. - Ну, а я пойду, домовёнок такой проказник…

… Зайка ушастый, а я просто сон твой пропащий. Сон пройдет и все забудется, я просто растаю как имя написанное тобой на снегу. Быть забытой тоже хорошо. Вот и засыпай и меня забывай, что бы мне не пришлось говорить «Прощай»

Л вытер краешком простыни слезинки грусти скопившиеся в уголках глаз, он снова перечитал письмо и заметил на самом краешке, едва различимый отпечаток, похожий на кошачий или…

На краешке кровати, укрывшись рыжим хвостом, спала лисичка. В приглушённом свете раннего утра, она излучала удивительное спокойствие и уверенность. Что ж, - подумал Л, - может я никогда и не увижу тебя незнакомка, но взамен я нашел хорошего друга, может быть это даже важнее. Он поправил складки на кровати, что-бы лисичке было удобнее, взглянул на неё, и отправился пить утренний чай…

Возвращение.

Бабушкин дом, сложенный из большущих плохо обтёсанных брёвен, выглядел просто огромным, особенно после маленькой тёмненькой квартирки. И бабушка тоже выглядела огромной, руки толстые как ноги, а ноги как телеграфные столбы; груди как бронебойные орудия торчат далеко вперёд, а высокая башня седых волос подпирает потолок. А каменное выражение лица, навечно застывшее в обвислых щеках и контурной сетке морщин, вместе с бесцветными глазами, спрятанными за стёклами очков, не обещали лёгкой жизни. Но бабушку он не боялся, он привык к крупным женщинам, мама тоже крупная, хоть и более мягкая, без острых углов бабушкиной внешности.

Так повелось, - рассказывала мама, - у нас в семье все женщины крупные, богатыри, а мужчины мелкие и тощие как селёдки. Он ведь остался единственным мужчиной в семье, и ему не с кем себя сравнивать, но,глядя в зеркало, он мог засвидетельствовать что тощий и мелкий.

Папу он не помнил совсем, единственное слышал от мамы, что папа теперь богатый и женат по новой, а мама, в отличии от папы, бедная и до сих пор одна. Бедность заставила их переехать к бабушке. Бабушка старенькая, - сказала мама, - ей уже нужна наша помощь, не должна она жить одна. Да и жизнь в провинции, подешевле, может и с работой полегче, это только кажется что в столицах мёдом намазано… Дальше мамин рассказ он пропустил, ему стало грустно, что ему работа? Он не хотел переезжать, он надеялся, когда-нибудь богатый папа вернется, встретит его в подъезде и изменит его жизнь. А теперь ничего не произойдёт, не поедет папа в провинцию к бабушке. Но он смолчал, не сказал маме, она всегда плакала и кричала слушая его фантазии про папу. В отличии от прочих детей, которые любили мам безотчётно, безосновательно, он точно понимал что любит маму, и не хотел её расстраивать.

Бабушка не встречала их на вокзале и они долго добирались до её дома, сначала на автобусе, а потом в тесном прокуренном такси. Прямых дорог в провинции не делали из принципа, они то бесконечно поворачивали, то спускались вниз в тёмные овраги, то выбирались на верх, на залитые летним солнцем вершины сопок. Наконец обогнув заросшее высоченными дубами, и пятнистыми стройными ясенями, заброшенное старое кладбище с проржавевшими оградками и покосившимися памятниками, они выехали на короткую улочку упирающеюся краем в настоящий лес. Такси не сразу высадило их около дома, машина проехала в конец улицы и развернулась. Здесь он впервые увидел колодец из серых бетонных колец, под маленькой треугольной крышей. Около грубой деревянной лавочки, подле колодца, кто-то поставил два синих горшка с геранью. Заметив что он смотрит на неё, герань замахала ему листьями на хрупких ножках и кисточками розовых цветков. Он понимал это ветер, но всё равно в испуге отпрянул от пыльного окна такси, и не оглядывался до самого дома.

Таксист выбросил их на дорогу, и даже не сказал спасибо, получая плату. Наверное он думает: быть вежливым это слабость, - говорила про таких людей мама. Вот он слабый, но всегда остаётся вежливым. Бабушкин дом стоял первым на углу, у круто спускающегося вниз проулка. Он, житель равнин, плоских как кухонный стол, даже от такого спуска, от домов и деревьев торчавших из кривого склона, от тревожного незнакомого воздуха, у него закружилась голова и он едва не упал под тяжестью сумки с вещами.

- Ну чего ты, - мама обняла его за плечи, - смотри какая красотища, сколько зелени, даже домов не видать! И никакое наводнение не страшно..

Он и так не боялся наводнений, но решил промолчать, если маме тут нравится, то хорошо, обливаясь потом, он покорно таскал сумки до калитки.

Бабушка встретила их не словом, но делом. Она рубила дрова. Похоже мама преувеличила, сказав что бабушке нужна помощь. Нагнувшись бабушка брала дубовую чурочку, ставила на широкий деревянный пень, и тускло блестевшее лезвие топора на отполированной тысячами прикосновений ручке, взлетало в воздух.

«Дзынь!» - пел топор. «Тюк» - стонала чурочка. «Треск»! - половиночки разлетались далеко в стороны по двору. А бабушка тянулась за следующей, у неё в спине что-то щёлкало, как шестерёнки в механизме, но она не останавливалась.

Дзынь -Тюк - Треск — Дзынь — Тюк - Треск — Дзынь — Тюк — Треск, - бабушкина рука не знала усталости. Позже, вечером, кряхтя и обливаясь потом он собирал тяжелые дубовые поленья, даже не помышляя поднять чурочку целиком.

- Дай-ка я на тебя посмотрю, - сказала бабушка и он покорно вышел из-за маминой спины, он всегда подчинялся женщинам. И хотя ему уже десять, бабушка легко подхватила его под мышки и подняла. Как пустышка он взмыл вверх, разрывая земное притяжение. От испуга он закрыл глаза, и представил как бабушка сейчас поставит его на пень, топор разрежет воздух.. Дзынь-Тюк-Плеск и его половинки осядут по краям пенька. Разумеется этого не случилось.

- Какой легонький, прямо как девчонка, - бабушка поставила его сразу на крыльцо, - но ничего, я его откормлю. Проходи в дом, - она подтолкнула его в спину.

Он взялся за широкую со следами облупившейся краски, алюминиевую ручку и потянул на себя. Тяжелая, отсыревшая деревянная дверь нехотя поддалась его усилиям, провернувшись металлические петли скрипнули протяжно и тоскливо, как птица угодившая в клетку. Беги — почудилось ему в скрипе и он замер на пороге дома. Бабушка сжимая в одной руке топор, другой нетерпеливо толкала его в спину. Он вывернул шею, но огромная бабушкина туша заполнила проход и он увидел только краешек синего небо, мысленно, как узник навечно отправляющийся в темницу, он попрощался с небом и холодный сумрак дома поглотил его.

- Это веранда, - сказала бабушка окидывая взмахом руки, тусклое, заставленное тазиками и ведрами помещение, где в углу примостился маленький столик вперемешку засыпанный выстиранным бельём, - прихожка по вашему. Здесь нужно разуваться.

Не смея возразить и даже говорить, он поспешно стянул потрепанные кроссовки и поставил их около стены покрытой крохотными чёрными точками.

- Не сюда, - сказала бабушка, - вон там, у плинтусов ставь.

Он переставил кроссовки, чувствуя как холодный пот стекает по затылку.

- Так хорошо, правильно, привыкай, - бабушка опустила толстую ладонь ему на макушку и взъерошила тонкие пряди, - а вон там кладовая.

В полумраке веранды, он едва различил ещё одну дверь, запертую на маленький висячий замочек.

- Ты туда нос не суй, - велела бабушка, и лёгкое прикосновение её пальцев обернулось давящей тяжестью могильной плиты. - А теперь в дом.

Широким жестом она распахнула последнею дверь, млея от страха он сделал два маленьких шага, перевалил порожек и остановился на самом краешке густого бордового ковра. Откуда-то из глубин дома, раздалось тоненькое цоканье и на встречу ему вышло существо на длинных ножках. Существо выглядело испуганным и расстроенным не меньше его, оно остановилось посередине ковра, робко прячась в тени кухонного стола, выдавая своё присутствие лишь блеском выпуклых чёрных глазок — бусинок.

- А ну ка пурдель, не смей никого кусить, - суровый как стальная проволока голос разрезал воздух, услышав бабушку, мирно урчавший за печкой холодильник вздрогнул, хрипнул и смолк .

Стало так тихо, что он слышал как с потолка осыпается побелка.

- А если пурдель будет кусаться, - продолжила бабушка, нагнувшись она поставила топор около печки, тусклая сталь ехидно звякнула, - то придётся зарубить его топориком.

Краешком глаза он взглянул в прятавшийся за очками, краешек бабушкиного глаза и понял что та не шутит. Понял это и пурдель, дрожа и извиваясь собака выбралась из тени и остановилась перед ним. Косясь на него выпуклыми глазками, пурдель поджал левую переднею лапу и тихонько взвизгнул, как бы говоря: теперь твой ход. Он опустился на колени и протянул руки в молитвенном жесте, извиваясь как сороконожка, пурдель подошёл к нему и прижался маленькой кудрявой головкой к груди. Обняв жестковатое и теплое собачье тело, он опустил голову и пурдель несмело лизнул его в подбородок. Чувствуя как дрожит и колотится жилка на тонком собачьем горлышке, он тихо заплакал по своей прошлой жизни. Скупые маленькие слезинки пачкали кудрявую шерстку пурделя.

- Ну чего плачешь? - мама оторвала его от пурделя и вытерла лицо мягким белым платочком, - у тебя новая жизнь начинается, улыбнись! Подружишься с ребятами, пойдешь в новую школу..

Он всхлипнул, но сумел удержаться что бы не разрыдаться как девчонка.

- Ох, горе ты моё, - мама поцеловала его дрожащие губы, - лучше бабушку обними. Она подтолкнула его к бабушке, задумчиво стоявшей у печки.

Он закрыл глаза, поджал губы, раскинул руки так что плечи затрещали и, как в омут с головой, бросился в бабушку. На ощупь та оказалась тёплой и мягкой, а пахла бабушка — бабушкой. Спрятавшись лицом в бабушкином животе и вдыхая запах былых лет, он внезапно

успокоился, не может она оказаться ведьмой, не может..

- Ишь ты.. ух ты.. - бабушка грубо хохотнула, - а нос то мокрый, промочил мне свитор до самых печёнок. Она положила руки ему на плечи, и он опять испугался что его задушат. - Да ты не стесняйся, у мужиков всегда глаза на мокром месте, только одни крепятся а другие завсегда плачут.

- Не говори так, - возразила мама, - он у меня мужчина, а мужчины не плачут.

- Только где они, мужчины? - проворчала бабушка и он вырвался из её объятий, - за всю жисть ни одного не видала..

- Ладно, хватит мне сопли разводить, чай не проводы в армию, давайте я дом покажу. Здесь значит у нас кухня, вон холодильник, там шкап с едой, каши в основном всякие, стол там ножи, ложки,.. картошка в подполе сыспортилась уже, а новая ещё не наросла, ну там помидоров накрученных много ещё, - бабушка остановилась переводя дыхание, - съедать будешь у меня полную тарелку, не терплю я всяких огрызков в миске.

Даже зная что бабушка на него не смотрит он кивнул в ответ и обернулся поискать взглядом пурделя, но тот уже спрятался, и только топор зловеще блеснул улыбкой в сумраке старого дома.

- Это зала, - продолжала бабушка, показывая длинную прямоугольную комнату, - вон телевизор на тумбочке, вон шкап пустой, вещи свои сюда сложите, вот секретер писать удобно, и диванчик, здесь мама спать будет.

- Но у тебя же комнаты свободные? - удивилась мама.

- Да не освободила я, рука не поднялась, - бабушка толкнула дверь в стене залы, и они оказались в комнатке-пристройке, заставленной книгами. Неряшливыми кривыми стопками книги лежали прямо на полу и поднимались до середины стен, залезая даже на подоконник единственного окна, - всю жисть собирала их, а пошто они нужны? Ни ума в них, ни силы, одна скука, да пыль. Она хлопнула ладонью по ближайшей стопке, в воздух взвилось тёмное облачко. - А вона газеты, совсем шлак, - за дверью, в углу, высокой горкой лежали толстые еженедельники с пёстрыми обложками, - понимаю мусор, да руки выбросить не поднимаются. Ну, ничего, теперь у нас школьник появился, будешь летом книги таскать и читать. Тут много классики, с молодости моей лежит..

- Да, он у нас не особенно то читать любит, - сконфуженно призналась мама.

- От я удивленна, - язвительно заметила бабушка возвращаясь на кухню, откуда две двери вели в последние комнаты, - Дальняя значит, моя спаленка, а вот, твоя комната..

Он осторожно зашел в узкую комнатку, на стене узорчатый ковер, под ковром маленькая, почти детская кроватка, окно с пыльным подоконником и круглыми следами от цветочных горшков, у окна из высокого ведра торчало домашние дерево с наполовину облетевшими листочками, рядом тумбочка она же столик, и потрескавшийся линолеум, да комки шерсти по

углам.

- Здесь странно пахнет, - заметила мама, - животными, как на конюшне.

- Ещё бы, - встав раком бабушка вынула из под кровати толстую, забитую свалявшейся шерстью тряпку и алюминиевую плошку с водой, запах псины мгновенно сгустился и усилился, - раньше, до вас, здесь пурдель жил.

- У него что же, отдельная комната? - спросила мама.

- А что ему со мной проживать? - возразила бабушка. - А мальчишки собак любят, они быстро сдружатся. Но смотри, - бабушка повернулась к нему, - если пурдель будет кусаться, сразу говори мне, уж я ему тогда покажу!

Так он получил свою первую комнату, ранее бывшую собачьей конурой и первого друга, бывшего собакой.

Позже, вечером, он собирал раскиданные во дворе поленья, и укладывал их рядком вдоль забора. Из открытого окна доносились звуки шипящей и трещащей сковородки, мама готовила запоздавший ужин. Пурдель встревоженно бегал по двору, заглядывал в углы и нюхал воздух. В низинах уже сгустились вязкие, чернильные сумерки, но здесь на вершине сопок, солнце ещё держалось. Красные закатные лучи протянулись от горизонта, и превратили окружающий мир в зловещие картонные декорации. Дома и постройки выглядели плоскими, словно театральный задник, а контрастные тени казались глубокими как колодец.

Бабушка наблюдала за ним с крыльца, широкоплечая, в свиторе и бесформенных брюках, она напоминала ему моряка. Капитана давно сгинувшего судна, внезапно вернувшегося на берег. В стёклах её очков умирало по маленькому солнцу, просто отражение заката, но ему становилось жутко, всякий раз когда он замечал её взгляд. И топор был при ней, стоял рядом. Может дровишек ещё наколю, - сказала она выходя на крыльцо, но так и не притронулась ни к одной чурочке, просто стояла и смотрела как солнце сгорает на горизонте. Он сложил последние поленья и остановился поиграть с пурделем, собаке он вроде бы нравился. Закатный свет начал меркнуть, и пропадать, раньше, в городе он никогда не видел таких закатов. Может и с солнцем здесь что-то не в порядке? Украдкой он бросил взгляд на бабушку, та переменила недвижную позу и взяла топор. Наверное ждёт как пурдель меня укусит, что бы срубить ему голову, - подумал он. Но пурдель не кусался, наоборот, выражал полнейшее добродушие.

- Зябко мне, - бабушка одёрнула свитор, - пойдём в дом..

Так заканчивался его первый день на новом месте. Он думал что ни за что не уснёт в старом доме, но не успел разместится на кроватке, как сон сморил его. Сказалась усталость и стресс. Пурдель спал свернувшись калачиком на своей тряпке и тихо похрапывал. Ссыхаясь деревянные стены дома стучали и потрескивали, где-то щёлкнула половица, задребезжало стекло в оконной раме, в ночи гулко ухнула птица. Одинокая муха, вяло кружилась под потухшей люстрой, пискнула мышь, заставив пурделя вздрогнуть и открыть глаза.

Вскочив на тонкие ножки, собака обежала комнату, проверила под кроватью, но мышка

уже исчезла. Мальчик в кровати всхлипнул во сне, перевернулся на другой бок, и закутался в одеяло. Пурдель взглянул на него, встал на задние лапы и запрыгнул на одеяло. Обнюхав пятки мальчика, он пристроился рядом, вытянувшись вдоль края, но на тесном матраце не хватало места, и мальчик пихнул его ногой. Пурделю это не понравилось, слишком долго кровать принадлежала ему, он не мог сдаться без боя. Собака зарычала, не столько угрожающе, сколько вопросительно. Мальчик снова дёрнулся, и пёс едва не оказался на полу.

Зарычав уже зло и жёстко, пурдель перебрался к голове мальчика, к открытым плечам и шее. Но мальчик утихомирился и лежал тихо, и не подвижно, пурдель ткнулся мокрым носом ему в щеку и лёг рядом. Тут мальчик снова всхлипнул и дернул рукой, разъярённый пурдель подпрыгнул и вцепился в одеяло. Мальчик ничего и не заметил, тогда пурдель заглянул ему в лицо, и увидел как на губах надувается и лопается тонкий пузырёк слюны. Пурдель прислушался и понял что мышиный писк исходит изо рта мальчика. Писк разозлил собаку, не понимая что делает пёс клацнул зубами, и вцепился в нижнею губу мальчика.

- АААААААА — закричал он, просыпаясь от резкой боли, по щекам стекало что-то горячие и липкое. Он испугался что его облили кипятком и завопил громче, - АУУУУУАААААА.. Мам, мамочка..

В доме, одновременно во всех комнатах вспыхнул яркий свет, даже в его спальне люстра за сияла как солнце.

- Мама ты идешь? - уже тише прокричал он, закрываю губу ладонью, внизу у кровати, он заметил пурделя с окровавленной мордочкой.

Нет, что ты наделал, - прошептал он, - прячься!

И тут дверь резко распахнулась, буквально сорвалась и впечаталась в стену.

- Мама? - вопросительно прошептал он.

В дверях стояла бабушка, в кожаном плаще и в красной шахтёрскай каске с фонариком, на голове. В руках она сжимала топор, а в очках отражался закат.

- Так он всё-таки кусается! - возвестила бабушка. - Сейчас я отрублю ему задние ноги, а потом голову. Держи хвост, что бы не мешался!

- Пожалуйста, пожалуйста, - закричал он прижимаю собаку к груди, - только не убивайте пурделя.

- Это приведёт к непоправимым последствием, - презрительно сказала бабушка, и почесала топором голову.

- Только не убивайте пурделя, - в мольбе прошептал он.

-Хорошо, - согласилась бабушка вытаскивая его из кровати, - тогда я отрублю голову тебе. Пошли со мной на двор, и нечего ныть, я же предупреждала тебя…

Химера и Чик, который хотел стать поваром.

Апокалипсис... пост… постапокалипсис… Когда это случилось? А главное зачем? Я уже даже не спрашиваю почему? Открылись глубокие трещины в земле, до самого раскалённого ядра, до самого жаркого сердца земного. Подули из трещин огненные ветры, сжигая всё на своём пути. Обращая скалы в песок, а песок в чёрное, гладкое стекло, деревья превратились в угли, реки и озёра испарились. Бетонные коробки городов, обрушились на головы уцелевших, прятавшихся в тёмных подвалах. На сколько хватало глаз, от горизонта до горизонта, воцарилась ровная, сухая и плоская как раскалённая сковородка, равнина. И над миром восстала красная луна, чьи кратеры, подобно ожогам на руках золушки, оставались неизменными.

Но где-то, в складке земной коры, на дне бывшего океана, там где грязь ещё не высохла, а из под почерневших, обугленных камней, пробивалась, быть может, последняя в мире река, на крайнем островке мира, покрытом высокими финиковыми пальмами, в колючих зарослях малины, в шалаше сложенном из пустых коробок, жила, наверное, последняя пара в мире. Альфа Наруто и омега Саске. Они скорбели по ушедшему, и отчётливо понимали что на них лежит ответственность за судьбу мира. Им бы прекратить ссориться, взяться за руки и твёрдо посмотреть в лицо опасности и принять на себя ответственность. Но никто не мог отменить вздорного, вспыльчивого характера Наруто. И тем не менее, они старались во всю, но ничего не получалось.

Сколько не вставлял альфа свой меч в камень омеги, а результата всё не было. Саске всё никак не мог забеременеть. Правда иногда Саске тошнило по утрам, но дальше этого прогресса не наблюдалось. Может быть Саске бесплоден? - гадал Наруто, длинными бессонными ночами и от бессилия грыз ногти. А может во всём виноваты финики? Может ему витамин не хватает… Они продолжали стараться, изливая друг на друга обоюдоострую любовь. Но, как ни старайся, а жизнь нельзя зачать в желудке или прямой кишке, поэтому они провели все свои дни в поедании фиников и дерганье себя за длинные.. бороды. А жизнь… жизнь завелась совсем в другом месте…

Больше всего на свете Чик хотел стать поваром. Повара выживали дольше всех. За свою короткую жизнь Чик уже насмотрелся на трёх своих отцов, истерзанных зверем и полу сожжённых адским солнцем пустыни. Поэтому он твёрдо решил не следовать по их стопам. А куда ещё податься мальчику, после короткого детства, в мире где все борются за выживание? Или в охотники, или в чистильщики, или в повара. Ах, если бы выбор зависел от него. Но выбирать его судьбу, будет Узурпатор их квартала. И совсем уже скоро, через восемь лун, Чик узнает своё будущие. А пока Чик проходил обучение всем специальностям, немного повар, немного охотник. Он как мог подмазывался к главному повару Коху, тот был одним из самых старых жителей квартала. Сегодня как раз урок у повара. Поэтому Чик, со всем старанием и торопливостью спешил на кухню.

Из пустыни, в которую обратился мир, по прежнему дули нескончаемые, жаркие как огонь из печки, ветры. Поэтому все постройки в городе приходилось возводить в форме треугольника, обращённого скошенной гранью к пустыне. Только так, дома могли противостоять нескончаемому напору жаркого песчаного дыхания. Сейчас, когда все мужчины были или на охоте, рискуя быть убитыми зверем, или занимались очисткой поселения от нанесённого песка, приливными волнами затопляющего посёлок, и рисковали изжариться заживо, Чик спускался по холодному, тёмному туннелю, в главную кухню номер четыре. Жира для светильников не хватало, передвигаться по туннелям приходилось осторожно, с оглядкой, чтобы не угодить в глубокую трещину в полу. И Чик спешил как мог, он надеялся придти первым, задолго до

главного повара Коха.

Но сегодня он опоздал. Кох и его помощник уже были на кухне, на разделочном столе перед ними лежала огромная розово-коричневая, мешковатая кожно-мышечная складка с редким пухом волос — химера. Чик быстро подскочил к Коху показывая что он уже здесь. Кох, едва заметив его рассеяно кивнул и вернулся к перебиранию ножей в деревянной коробке. Кох был удивительным мужчиной, помимо возраста и должности у него из ушей росли длинные белые пучки волос. В мире, где всегда жарко и дует ветер, люди утратили волосяной покров. Но память о нём осталась, даже обладая скудными ресурсами, человечество упорно тосковало по чёлке и по мужественным завиткам на груди. И здесь Чику тоже повезло, на его лысой и круглой голове нашлись чёрные точки. Как надеялся Узурпатор, со временем из них разовьются полноценные волосы, каждый месяц при помощи лупы он осматривал голову и бёдра Чика в признаках роста волос. Пока роста не наблюдалась но никто не терял надежды. Ходили слухи что где-то далеко живёт полноценная волосатая девочка, и в будущем — надеялся Узурпатор, их можно будет свести и получить породу волосатых людей. Из-за этого Узурпатор старался оберегать Чика.

- Сечас я произведу пенетрацию, - сказал Кох и совершил четыре глубоких надреза в нижней части химеры. Он рассёк верхние слои кожи, потёк густой желтоватый жир, затем разрезал мембрану и на стол брызнула чёрная пахнувшая камфорой кровь.- Быстрее! Пока не затвердела, выдавливайте внутренности, - приказал Кох своим ассистентам.

Чик и мальчик постарше уже принятый в повара, навалились на похожую на два сшитых вместе мешка химеру. Они кололись об грубые волоски, торчавшие из складок химеры, но давили что есть силы — никому не хотелось в охотники. Из надрезов, медленно выдавливаясь потянулись сизые, смрадные кольца внутренностей. Приятного в этом зрелище мало, зато внутренности ценнейший питательный продукт. Они так увлеклись выдавливанием что не замечали нечего вокруг. А Кох, для которого всё давно стало рутиной, рассеяно ковырялся ножом в зубах. Именно он допустил непростительную ошибку, химера лежавшая на столе несомненно мертва, но случается в ней остаётся живой детёныш — опаснейшая тварь. Чтобы этого не случилось, перед разделкой повар должен ощупать химеру холодными руками, но Кох допустил промашку — ощупал химеру тёплыми ладошками.

Один из надрезов вздулся как нарыв, из него брызнула холодная голубая жидкость и появилась белая, сплюснутая голова детёныша. Прежде чем кто-либо успел среагировать, детёныш освободился и помогая себе длинным, очень гибким и острым как бритва хвостом, бросился на Коха. Кох глупо взмахнул ножом, но ничего не успел. Как плотный шарф, детёныш обмотался вокруг его шеи, повис безглазой мордой на уровне глаз и перерезал Коху горло острым хвостом. Общеизвестно, что детёныш химеры должен убить одного человека, в очень редких случаях двоих, до этого его никак нельзя остановить. Чик надеялся что детёныш угомонится на главном поваре, но нет — этому детёнышу требовалась двойня.

Понимая что сейчас будет, Чик без раздумий ударил другого мальчика коленом в живот и толкнул вперёд. Чик не испытывал сожаления — это борьба за выживание. Вскоре детёныш, растратив последние силы, безжизненной беловатой кляксой начал подсыхать на полу. Чик подцепил его длинным ножом и бросил в грязное ведро — там ему самое место. Прежде чем идти к Узурпатору с докладом о трагедии, он решил немного перекусить, справедливо решив — хуже от этого ни кому не будет.

Страница книги Химера и Чик, который хотел стать поваром в интернете